

The background of the cover is a photograph of a grand, ornate interior, likely a lobby or a grand hall. The room features high ceilings with intricate gold-colored moldings and a central chandelier. The walls are decorated with classical architectural elements, including columns and niches. A red carpet runs down the center of the room, flanked by a patterned border. In the distance, a person in silhouette stands on the carpet, looking towards a large, ornate doorway. The overall atmosphere is one of elegance and mystery. A large, stylized graphic of yellow and black splatters is overlaid on the top half of the image, framing the title.

ИРИНА ГРИН

СИНДРОМ
ФИГАРО

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

Переплетение чувств. Детективы Ирины Грин

Ирина Грин
Синдром Фигаро

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Грин И.

Синдром Фигаро / И. Грин — «Эксмо», 2022 — (Переплетение чувств. Детективы Ирины Грин)

ISBN 978-5-04-166319-3

Директору детективно-консалтингового агентства «Кайрос» Кристине Светловой позвонила подруга Ольга и попросила забрать из детского сада ее племянницу Настю. Мать Насти, известная певица, поручила девочку заботам сестры, но Ольгу задержала полиция по подозрению в убийстве актера и режиссера по прозвищу Фигаро. Ольга участвовала в его постановке пушкинского «Моцарта и Сальери», но сразу после премьеры Фигаро нашли мертвым. А Кристина совершенно не умеет обращаться с детьми! Теперь, чтобы Ольгу поскорее выпустили, ее агентству придется подключиться к поискам убийцы Фигаро... Остросюжетные романы Ирины Грин – современные психологические детективы, написанные на стыке жанровой и современной прозы. Они будут интересны образованным женщинам, ищущим интеллектуальных развлечений. Ирина Грин исследует все грани и оттенки человеческих чувств, создавая из их столкновения и переплетения захватывающие детективные истории.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-166319-3

© Грин И., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ирина Грин

Синдром Фигаро

© Грин И., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Желание петь было таким огромным и всеобъемлющим, что рвалось наружу, не помещаясь в груди. Хотелось, чтобы его голос услышали все живущие в этом районе, куда его занесло каким-то явно не попутным ветром. Но город, погруженный в сон и полумрак, спал, улицы были пусты. Лишь бродячий пес, растянувшийся на тротуаре, едва слышав его шаги, встрепенулся и поднял лохматую голову.

– Привет, дружище! – мужчина помахал ему рукой. Пес вскочил. Очевидно, этот жест он воспринял как попытку угрозы и, поджав хвост, неуверенно попятился.

– Пойдем со мной. Наверняка где-то неподалеку имеется круглосуточный маркет, куплю тебе чего-нибудь пожевать! Пойдем же!

Пес остановился и замер, не сводя с человека настороженных глаз.

– Ну и шут с тобой! Тебе же хуже! – И мужчина пошел дальше по узкой улочке, стиснутой с двух сторон домами дореволюционной постройки. В свете фонарей они казались ненастоящими. Все эти эркеры, кованые решетки, стрельчатые арки, башенки, каменный узор, обвивающий оконные и дверные проемы, напоминали скорее театральную декорацию. Впервые оказавшись на этой улице, он влюбился в нее, как подросток в одноклассницу, и часто приходил сюда, чтобы насладиться ее красотой. Когда-нибудь он обязательно приобретет здесь квартиру.

С трудом сдерживаемая песня все-таки вырвалась и ночной птицей полетела по городу. Это была каватина Фигаро из оперы Россини «Севильский цирюльник»:

Ah, che bel vivere, che bel piacere, che bel piacere...¹

Несмотря на столь позитивный текст, настроение мужчины было не очень радужным. Не так, совсем не так он представлял ночь после своего триумфа. Сейчас, когда отзвучали аплодисменты, выстрелила в потолок пробка из бутылки шампанского, пенящееся вино полилось в бокалы и предпремьерный мандраж незаметно отступил, у него вдруг возникло ощущение отсутствия этого самого триумфа. А собственно, был ли мальчик? Даже эти аплодисменты... Ведь большинство присутствующих в зале – друзья и родственники их маленького коллектива, домашние, так сказать, поклонники. Даже если спектакль не произвел на них впечатления, зачем кидать камень в своих близких?

Словно в ответ на эти упаднические мысли пронесшаяся мимо машина обдала его вее-ром брызг. Мужчина отскочил в сторону, посмотрел на свои брюки с досадой и недоумением: июль, последний дождь был две, а то и три недели назад. Он даже вернулся на пару шагов, чтобы убедиться – на всем обозримом участке дороги это была единственная лужа. Скорее лужица. И надо же было ему оказаться возле нее именно в этот самый момент! Что это? Случайная неприятность или очередное звено цепи неудач, которая рано или поздно приведет его к закономерному концу? Незначительное по своей сути происшествие понизило градус триумфа еще на несколько пунктов.

¹ Ах, какая прекрасная жизнь, какое прекрасное удовольствие, какое прекрасное удовольствие... (итал.)

Похоже, сегодня не его день. Эта дурацкая лужа, нелепая ссора с Ольгой... Есть у женщин такое идиотское свойство – устраивать разборки в самый неподходящий момент. А еще проситься замуж. Ну почему бы ей не радоваться вместе со всеми? Так нет же – выпила пару бокалов шампанского и понеслась... Рука невольно потянулась к щеке, где наверняка остались следы Ольгиных ногтей. Шампанского, заметьте, не абы какого, а «Пайпер-Хайдсик», купленного специально для этого случая в дьюти-фри аэропорта Вена Швехат и тщательно оберегаемого в первую очередь от себя самого. Напиток воистину знаковый – ведь именно его пьют на церемонии вручения кинопремии «Оскар». «Оскар» их группе, разумеется, не светит ни при каком раскладе, но есть же и другие, не менее престижные премии. От этой мысли градус настроения застыл, прекратив падение.

Проходя мимо витрины свадебного салона, мужчина сорвал с головы воображаемую шляпу и с преувеличенной галантностью раскланялся перед красотками-манекенами в платьях с кружевными лифами и пышными юбками:

Tutti mi chiedono, tutti mi vogliono,
tutti mi chiedono, tutti mi vogliono...²

Он пел, и голос, не встречая преград, летел, казалось, опьяненный собственным полетом. Пел, как дышал, без малейшего признака усилий, без тени искусственности, без налета театральщины, без надрыва, в сто, в тысячу раз лучше, чем сегодня на премьере в Доме культуры. Может, вот так и надо петь – на улицах, на площадях? Нести искусство в массы!

Из переулка, пошатываясь, вышли трое юнцов. Вид человека, распевającego песни манекенам, вызвал у них приступ безудержного веселья.

– А-фи-геть! – заявил один, толкая друга локтем. – Дядя, что за траву ты курил?

Другой достал смартфон и наставил его на певца.

От подростков за версту разило опасностью. Обычно мужчина предпочитал держаться подальше от таких юнцов, шатающихся ночью по городу, и при иных обстоятельствах непременно перешел бы на другую сторону улицы. Но сейчас он очень хотел быть услышанным, поэтому не стал спасаться бегством.

К тому же парни не выглядели полными отморозками: прилично одетые, чистые. В глазах одного из них, на вид самого младшего, промелькнуло что-то похожее на одобрение. Хотя, может быть, мужчине очень хотелось увидеть это и он выдавал желаемое за действительность – вряд ли парни являлись любителями классической музыки. Желая подтвердить или опровергнуть свои ощущения, он запел чуть громче:

Ahime, ahime che furia!
Ahime, che folla!
Uno alla volta,
per carità! per carità! per carità!
Uno alla volta, uno alla volta,
uno alla volta, per carità!³

Подросток постарше, тот самый, что спрашивал про траву, скривился и выхватил из кармана какой-то черный предмет. Еще один смартфон? Нет, слишком большой. Пистолет?

² Все просят меня, все нуждаются во мне, все просят меня, все нуждаются во мне... (итал.)

³ Боже мой, боже мой, что за смятенье! Боже мой, не все сразу! Не все сразу, а по очереди, Ради Бога! Ради Бога! Ради Бога! По очереди, ради Бога!

Налетевший порыв ветра шумнул листьями тополей, и мужчине показалось, что деревья хотят что-то сказать ему, предупредить, предостеречь. Но что? О чем? От чего? Понять он не успел – парень резко бросился вперед, налетел на него. Взмах руки – и резкая боль пронзила тело. Коротко вскрикнув, мужчина согнулся пополам и рухнул на тротуар, в объятия беспомощности.

Глава 1

Рабочий день в детективно-консалтинговом агентстве «Кайрос» был в самом разгаре. Генеральный директор Кристина Светлова работала над рекомендациями для клиента. Ее зам, Тимур Молчанов, разговаривал по телефону со своим давним приятелем-банкиром, пытаясь выторговать максимально выгодные условия кредита для другого клиента. Программист Федор Лебедев помогал своей коллеге Асе Субботиной в составлении отчета «Тайного покупателя». Занимался он этим с большим удовольствием, потому что испытывал к девушке нежные чувства. К превеликому его сожалению, безответные, потому что Ася уже давно предпочла Ивана Рыбака, пятого члена команды «Кайроса».

Ася с Иваном уже собирались пожениться, но планам этим не дано было сбыться⁴, что поддерживало огонь надежды в сердце Федора. Талантливый специалист, способный добыть с помощью компьютера абсолютно любую информацию, пусть и не вполне законными методами, во всех других отношениях он оставался ребенком, абсолютно неприспособленным к жизненным реалиям. И потому Ася, обладательница самого чуткого и отзывчивого сердца, не спешила назначать новый день свадьбы, надеясь, что Федор вот-вот встретит свою половинку.

В последний раз просмотрев по диагонали плоды своего труда – видеоотчет, снабженный письменными комментариями, – Федор скинул его в облако.

– Готово!

Это «готово» относилось к его части работы. Ася, выпускница филологического факультета, была настоящей перфекционисткой, когда дело касалось текстов, и могла часами чистить даже самый коротенький документ, добиваясь совершенства.

– Спасибо! – Она улыбнулась Федору и вопросительно посмотрела на Кристину. Невзирая на занятость, Асин взгляд та заметила, тем более что был он не первым и даже не вторым. Кристина понимала, что Асе очень хочется поделиться впечатлениями о последнем рейде, а может, просто по-дружески поболтать о том о сем. Хотя бы о совместном походе в прошлую субботу на пушкинских «Моцарта и Сальери» в постановке друзей ее бывшей одногруппницы. Кристина бы с удовольствием устроила небольшой перерыв, но, к сожалению, работа сама не делается, поэтому она ответила извиняющейся улыбкой, кивком указав на стопку папок на своем столе. Ася понимающе покачала головой.

«В принципе, – подумала Кристина, посмотрев на часы, – минут за десять я с этим справлюсь». Потом нужно перезвонить Тарасову – это еще минут пять... Нет, до звонка Тарасову нужно утрясти график рейдов «Тайного покупателя» на следующий месяц. Тарасов наверняка поинтересуется, готов ли он. Причем не потому, что ему действительно есть дело до этого графика – вклад магазинчиков, торгующих строительными материалами в спальных районах города, в совокупный доход от его бизнеса минимален. Закройся они завтра все разом – огорчатся разве что покупатели. Реальные, а не тайные. Ассортимент в магазинчиках достойный, цены божеские, а близость к дому позволяет сэкономить на доставке. Забегают сюда и профессиональные строители – если не хватило совсем немного клея и шпатлевки, здесь можно купить их на развес, не обязательно брать двадцатипятикилограммовый пакет. Да и продавцы рады не будут – зарплаты в фирме достойные, поэтому сотрудники работой дорожат. И рейды «Тайного покупателя», по мнению Кристины, Тарасов устраивает не для контроля лояльности работников к родному предприятию, а в качестве благодарности «Кайросу» за найденную дочь⁵.

Для Кристины же рейды давно превратились в головную боль. С одной стороны, это единственная задача агентства, более-менее подпадающая под определение «детективная», и един-

⁴ О несостоявшейся свадьбе Ивана и Аси рассказывается в романе Ирины Грин «Сквозь аметистовые очки».

⁵ Читайте об этом в романе Ирины Грин «Эффект прозрачных стен».

ственное дело, которым может заниматься далекий от финансового консалтинга Иван Рыбак, бывший сотрудник полиции. С другой – Ася, честь и совесть «Кайроса», заниматься тайным покупательством не любила и после рейдов порой впадала в состояние перманентной грусти. Видя, что подруга вот-вот заплачет, Кристина каждый раз хотела отказаться от этого вида деятельности. Для Аси вполне можно найти работу в офисе – вон сколько бумаг накопилось.

Но, спрашивается, что тогда делать с Иваном? Он и так большую часть дня просиживает за компьютером, сражаясь в «Морской бой» или «Сапера». По-настоящему детективные задачи случаются редко, и, положив руку на сердце, лучше бы их вообще не было. Уж слишком тяжелыми последствиями для «Кайроса» они заканчиваются, хотя и приводят в агентство самых денежных клиентов. Может, как неоднократно предлагает Рыбак, дать в газету объявление об оказании детективных услуг и заниматься всем, чем ни попадя, – потерянными животными, неверными супругами, сбежавшими должниками... Придется сменить офис, чтобы выделить для этого отдельное помещение. А то и два – Ася с Иваном в одном и секретарь, отсекающий совсем уж неадекватные предложения, во втором.

В этот момент зазвонил Кристинин телефон. «Тарасов! – огорчилась она. – А я не готова!»

Но голос в трубке явно не принадлежал Тарасову. Он был женским и очень взволнованным.

– Кристина! Это я! Ольга!

– Ольга? – переспросила Кристина, перебирая в памяти имена клиентов. – Простите...

– Ольга Котова! Кристина! Помогите, пожалуйста!

Только сейчас до нее дошло, что звонит участница того самого спектакля, бывшая одногруппница, благодаря которой сотрудники «Кайроса» попали на него.

– Оля? Что случилось? – спросила она.

– Фигаро убили!

– Как убили? – ахнула Кристина. – Почему?

– Да если бы я знала! – грустно отозвалась Ольга. – Полиция считает, что убийца – я. Мне разрешили сделать один звонок. Нана не отвечает. Вся надежда на тебя...

– Но почему обвиняют тебя? – В Кристине проснулся сыщик.

– Да там... – Ольга замаялась на мгновение, но тут же затараторила, словно кто-то подгонял ее. – Я не из-за этого звоню. Думаю, полиция во всем разберется. Должна во всяком случае. У меня другая проблема. Моя сестра сегодня утром уехала и оставила на меня дочку. Она сейчас в детском саду, на Вокзальной, возле «Ашана». Сможешь ее забрать? До шести. Настя Дубровина, младшая группа, Вокзальная, возле «Ашана». Хорошо?

Кристина опешила:

– Подожди, а мне отдадут ребенка?

– Отдадут, куда они денутся. Пожалуйста, Кристина, мне больше некого попросить...

– Ну... ну, хорошо, – в ее голосе сомнения было гораздо больше, чем согласия.

– Спасибо! – обрадовалась Ольга и скороговоркой повторила: – Настя Дубровина, младшая группа, Вокзальная, «Ашан».

– А если... – начала было Кристина, но Ольга уже отключилась.

Она в недоумении уставилась на смартфон, слово ожидая от него ответов на сотню вопросов, буквально атаковавших ее мозг.

– Что-то случилось? – мгновенно отреагировала на изменение настроения подруги Ася.

– Фигаро убили! – неуверенно произнесла Кристина.

– Какого Фигаро? – взвился Лебедев. – Того самого?

«Как будто в окружении «Кайроса» имелся по крайней мере десяток разных Фигаро и требовались дополнительные уточнения, чтобы понять, с кем конкретно приключилась такая

ужасная беда», – раздраженно подумала Кристина, но озвучивать эти мысли не стала, лишь кивнув:

– Того самого...

– А кто? – спросила Ася, но Кристина лишь пожала плечами, давая понять, что обсуждать эту тему пока не собирается, и вернулась к работе. Во всяком случае, попыталась.

Однако спустя минуты три бездумного просматривания готового текста она поняла: похоже, день сегодня не задался и разговор с Тарасовым придется отложить. Вообще-то Кристину не так просто выбить из колеи. Уж чего-чего, а способности сосредоточиться абсолютно в любой ситуации ей не занимать. Но тут она вдруг почувствовала, что пол офиса, казавшийся до этого незыблемым, раскачивается под хромированной крестовиной ее кресла, словно покоится не на монолитном фундаменте, а на спинах трех черепах, причем невероятно резвых. И дело было вовсе не в убиенном Фигаро.

Ребенок – вот что нарушило равновесие, обычно царившее в мире Кристины. Младшая группа, сказала Ольга. Значит, ребенок совсем маленький? Или нет? С какого возраста сейчас принимают в садик? Задавать подобный вопрос сплошь бездетным сотрудникам «Кайроса» было бессмысленно, и Кристина обратилась за помощью к всезнающему интернету. Лучше бы она этого не делала: оказывается, существуют ясельные группы, которые посещают малыши от года до полутора. Хотя нет! У нее-то младшая группа, значит, Насте Дубровиной всяко больше полутора лет. Но легче от этого не становилось. Кристина, как ни старалась, никак не могла себя представить в роли заботливой мамочки ребенка из младшей группы. Пусть даже ненадолго. Опыта общения с детьми у нее кот наплакал – разве что Леночка, с которой они с Тимуром путешествовали по Австралии⁶. Но девочке было пять лет, из младшей группы она уже выросла.

И чего их понесло на этот спектакль? Хотя поход сотрудников «Кайроса» на «Моцарта и Сальери» плавно вытекал из поездки в Вену, а от нее Кристина не отказалась бы, даже зная, что впоследствии ей придется взять на себя заботу не об одном, а о добром десятке воспитанников младшей группы детского сада на Вокзальной.

⁶ Читайте об этом в романе Ирины Грин «Бог счастливого случая».

Глава 2

Даже если очень постараться, она бы, пожалуй, не вспомнила, откуда в ее голове поселилась мысль о поездке в Вену, да не просто о поездке, а о посещении знаменитой Венской оперы. Кажется, кто-то из клиентов вскользь упомянул о подобном путешествии. К горячим поклонникам классической музыки Кристина отнести себя не могла, и выходные в Вене были для нее скорее своеобразной перезагрузкой уставшего от бесконечной работы мозга. К тому же она понимала, что ее коллеги – такие же, как она, трудоголики – наверняка тоже нуждаются в подобной смене обстановки, пусть даже кратковременной. Ведь не обязательно ехать на целую неделю. Можно вылететь в пятницу, после работы, и вернуться в воскресенье вечером...

Коллектив идею поездки одобрил, но при более пристальном изучении вопроса оказалось, что рейсы в Вену только утренние. Отменить рабочий день в пятницу Кристине не позволило гипертрофированное чувство ответственности перед клиентами, вверившими «Кайросу» свои финансы, поэтому вылет был назначен на субботу.

Покупкой билетов на самолет занимался Лебедев. Оперу, бронирование гостиницы и трансфер взял на себя Тимур, справедливо полагая, что, если поручить это Федору, ночевать им пришлось бы в хостеле, всем в одной комнате, добираться из аэропорта на общественном транспорте – в обычное такси их компания никак не влезала, – а в опере довольствоваться стоячими местами за три евро. Да, есть там и такие, продаются за полтора часа до представления, но очередь за ними нужно занимать намного раньше – никак не меньше чем за шесть часов. Тимур же выбрал довольно приличные места в партере, категорически отказавшись сообщить, в какую сумму они ему обошлись. Да и гостиница оказалась на высоте: старинное здание, уютные номера, симпатичный бар с лаунж-зоной и замечательным кофе – что еще нужно усталым путешественникам?

Из аэропорта в отель их доставил на минивэне разговорчивый соотечественник по имени Андрей. По дороге он успел вкратце познакомить гостей с достопримечательностями австрийской столицы и, уже на парковке перед отелем, предложил свои услуги на вечер. Узнав, что компания направляется в оперу слушать «Севильского цирюльника» Россини, Андрей уважительно поцокал языком:

– Надо же, я скоро восемь лет как в Вене, и все как-то руки не доходят до оперы. – Фраза вызвала легкую улыбку на губах Аси, автоматически отметившей про себя это странное словосочетание. – Ну, до оперы тут можно пешком дойти, всего два квартала.

– Мы в курсе, грамоте обучены, – невежливо заявил Федор, – найдем по навигатору.

– Хорошо, – не обращая внимания на ершистого пассажира, согласился Андрей. – Тогда завтра, в одиннадцать, я вас жду на этом же месте.

– В одиннадцать? – переспросила Кристина.

– Расчетный час в гостинице, – пояснил Тимур. – Мы соберем вещи, позавтракаем, и Андрей покатает нас по Вене, после чего доставит в аэропорт.

– Ладно, – кивнула Кристина. – В одиннадцать так в одиннадцать.

Несмотря на почерпнутую из интернета информацию об отсутствии дресс-кода, Ася с Кристиной все-таки решили взять с собой вечерние платья. Платья эти, пошитые Ладой Тарасовой, являлись прекрасными образчиками ее стиля – роскошными и в то же время лаконичными. Серое Кристино платье без рукавов, с расшитым бисером лифом и плиссированной юбкой в пол и гипюровое Асино цвета розовой пудры привели мужскую половину «Кайроса» в состояние шока.

– Всегда так ходи, – шепнул Иван и осторожно, чтобы не повредить Асину прическу – привычную французскую косу, только более аккуратно уложенную, чмокнул подругу в макушку.

Впрочем, мужчины тоже не подкачали. Явно сшитый на заказ костюм Тимура идеально подчеркивал фигуру, Рыбак щеголял в пиджаке, купленном на несостоявшуюся свадьбу, а Лебедев сменил привычные джинсы на черные брюки-скинни. От кроссовок с донельзя высунутыми языками отказаться он не решился, но поколдовал над ними, отчего обувка не казалась такой вызывающей. К тому же Федор постарался пригладить свои непокорные вихры, отчего сделался похожим на сына булочника.

Разумеется, собираясь в Вену, Кристина покопалась в интернете, полюбовалась красотой здания Венской оперы на многочисленных фотографиях, прочитала о трагической судьбе главного архитектора театра и автора проекта интерьеров, не доживших до его открытия, – критические замечания императора Франца Иосифа I довели одного до инфаркта, а другого до самоубийства. Но лишь оказавшись в непосредственной близости от этого величественного здания, она смогла оценить всю его красоту и монаршую несправедливость. Смеркалось, и в лучах вечерней подсветки стены оперы казались золотыми. Покрытые искусной резьбой арки, колонны, пилястры создавали ощущение полета, здание было монументальным и одновременно невесомым.

У входа молодые люди в белоснежных париках и красных камзолах моцартовской эпохи продавали билеты. Выяснив, что в театр пускают за час до начала представления, Иван тут же предложил пропустить где-нибудь по бокалу пива.

Лебедев, обычно предпочитавший вступать с Рыбаком в конфронтацию, на этот раз поддержал его:

– Да, с колбасками. Тут как раз неподалеку есть отличное местечко с лучшими в Вене колбасками.

– Пиво? – Ася недоуменно посмотрела на Кристину. Даже сейчас, когда расшитый лиф ее дизайнерского платья скрывал строгий серый кардиган, выглядела та ослепительно, что в Асиных глазах никак не сочеталось ни с пивом, ни, тем более, с колбасками.

Федор мгновенно считал ее реакцию и тут же изменил свое мнение:

– Хочешь сладенького? Тут неподалеку знаменитое кафе «Захер», где подают одноименный аутентичный торт и кофе по-венски. Как тебе такое предложение?

– Ну-у-у... – Торга Асе тоже не хотелось. В конце концов, «Захер», пусть даже не совсем аутентичный, можно и дома поесть. Будь ее воля, она осталась бы здесь, возле театра, чтобы иметь возможность рассмотреть здание со всех сторон, впитать в себя его красоту. Путешествие в стиле «галопом по Европам» абсолютно не соответствовало ее натуре.

– А может, прогуляемся? – предложил Тимур. – Тут совсем рядом начинается самая знаменитая улица Вены – Грабен. А пивом, колбасками и «Захером» займемся в антракте. Пойдет?

– Отлично! – одобрила Кристина и вопросительно посмотрела на Федора с Иваном. – Согласны?

– Да! Да! – обрадовалась Ася.

Федор, разумеется, был за, Иван лишь кисло кивнул – в антракте так в антракте.

Улица Грабен, широкая, просторная, многолюдная, скорее напоминала длинную площадь, вольготно раскинувшуюся меж величественных зданий с шикарными магазинами культовых брендов. Идя по ней с максимальной скоростью, которую позволяла развить длинная юбка, Кристина пообещала себе еще раз вернуться сюда и прогуляться более продуктивно. Не ради покупок, цены тут наверняка кусачие, а для получения максимального эстетического наслаждения. Например, никуда не торопясь, устроиться на улице за столиком одного из многочисленных кафе и медленно потягивать кофе. Но, скорее всего, это будет в следующий приезд, ведь завтра им предстоит экскурсия, то есть те же грабли, только в профиль, – галоп по улицам города под аккомпанемент рассказа Андрея.

Они дошли до величественного готического собора (Святого Стефана, как пояснил Федор, сверившись со смартфоном), постояли пару минут, буквально припиленные к мостовой его потрясающей красотой – даже неумный Лебедев присмирел, – и поспешили обратно. Уже возле оперы Кристина обратила внимание, что Рыбак заметно прихрамывает.

– Чертовы туфли, – пояснил он. – Я же говорил, лучше старые надеть...

– Извини, – прошептала Ася, замедляя шаг, – зато ты в них такой красивый! Держись за меня.

– Красивый, надо же, – хмыкнул Лебедев. А Рыбак, приняв Асины слова за чистую монету, моментально воспрянул духом и приобнял ее за талию.

Войдя в здание оперы, компания разделилась. Вконец расхромавшийся Рыбак в сопровождении Тимура – не бросать же товарища в беде – отправились в буфет, а девушки с Федором прошли к парадной лестнице, ведущей на второй этаж. Пораженные красотой внутреннего убранства здания, они едва успели занять свои места в удобных креслах бордового бархата, перед тем как солнцеподобная сверкающая люстра начала медленно гаснуть.

– Кристина Сергеевна! Монитор! – не успев усесться, радостно заявил Лебедев, тыча пальцем в электронный планшет, встроенный в спинку впереди стоящего кресла. – Нажмите на кнопку! Вот эту!

Кристина невольно поморщилась – она терпеть не могла, когда ее называли по имени-отчеству, – но нужную кнопку нажала. В простейшем, интуитивно понятном интерфейсе она разобралась без проблем. Гаджет позволял включить субтитры оперы на восьми языках, в том числе русском, что наполнило душу генерального директора «Кайроса» гордостью за свою родину.

Асе же было не до планшетов. Очарованная величественной красотой погружающегося в сумерки зала, она крутила головой по сторонам. Лебедев же переключил внимание на Тимура с Рыбаком:

– Ну и как вам буфет?

– Так себе, – скривился Иван.

– Это все потому, что его посещают только туристы и те, кто не в теме. Настоящие венцы ходят в заведение, расположенное на задворках оперы. Предлагаю после спектакля туда наведаться.

Глаза Рыбака, успевшего освободиться от истерзавших ступни туфель, блеснули энтузиазмом, но тут сидящая впереди седовласая дама обернулась и строго посмотрела на Лебедева.

– Sorry! – пробормотал тот покаянным тоном.

Кристина, нахмурив брови, посмотрела на чересчур разговорчивого коллегу, но тут заиграл оркестр, и все посторонние звуки перестали существовать. Осталась только чарующая музыка, прекрасные голоса, роскошные костюмы, живописные декорации. Ей не требовались субтитры – действие, разворачивающееся на сцене, было понятно без слов. Она радовалась, что смогла подарить себе и друзьям этот праздник, который надолго останется в сердцах.

В отличие от Кристины страдания графа Альмавивы, влюбленного в прекрасную Розину, не особо увлекли Федора – он и сам уже давно находился в подобном состоянии. Но чувства графа, в отличие от лебедевских, не были безответными. К тому же у него в помощниках был Фигаро, тот еще аферист, а Федору ждать помощи не приходилось. Поэтому, лишь только занавес опустился, он вскочил и заявил несколько торопливо, что не мешало его тону оставаться торжественным:

– Пойдемте! Я покажу, куда ходят настоящие венцы.

Предчувствие вкусной еды окрылило Рыбака, и, позабыв о стертых ногах, он рванул за программистом. Ася, Кристина и Тимур поспешили следом.

– Вот видите ларек с голубым зайцем, – на ходу пояснял Федор.

– Он не голубой, – авторитетно заявила слегка запыхавшаяся Ася.

– Не в том плане голубой, что того... Нетрадиционной ориентации... – смутился Федор. – Я имею в виду цвет...

– И я тоже, – смутившись не меньше Лебедева, стояла на своем Ася. – Он мятный.

– Мятный? Как пряник? – Федор непонимающе наморщил лоб, потом мотнул головой, отчего старательно причесанные волосы разметались в разные стороны, и согласился: – Пусть будет мятный. Зато посмотри на посетителей – одни венцы.

Выглядело заведение не так уж и привлекательно – несколько металлических столиков, за одним из которых пристроился хмурый маргинального вида гражданин с бутылкой пива и газетой, а за другим компания – две девушки и трое мужчин. Почему-то у Кристины создалось впечатление, что они тоже вышли из оперы. На столе стояли две бутылки шампанского и ждали своего часа выстроившиеся в ряд бумажные стаканчики.

Федор бросился к прилавку, Молчанов пошел за ним, а Иван, вспомнив о мозолях, оперся о столик.

– М-да, место не сказать чтобы гламурное, – сказал он, скептически оглядываясь. – Что-то вроде наливайки на свежем воздухе. В буфете и то приличнее. Хотя бы посидеть можно.

– Что ты, Ваня, – возразила Ася, – посмотри, какая красота.

Красота и впрямь присутствовала. Хотя формально ларек с мятным зайцем на крыше и находился позади оперного театра, назвать задворками тыльную оконечность здания язык не поворачивался. Она, конечно, уступала в красоте парадному входу, но лишь самую малость. К тому же рядом, с противоположной стороны, всего в нескольких метрах, находилась, судя по объяснениям Федора, стена Альбертины, дворца эрцгерцога Альбрехта, украшенная роскошным фонтаном в виде греческих богов с конной статуей самого хозяина дворца на крыше.

– Может, по шампанскому? – спросил Иван, покосившись на соседний столик.

Кристина молча покачала головой. Не то чтобы она была яркой поборницей трезвости, вовсе нет. Но пить шампанское на улице в вечернем платье, закусывая его жирными жареными колбасками, казалось ей каким-то... Неправильным, одним словом. Другое дело, если бы это происходило в баре гостиницы. Кристина не видела Асиного лица, но была уверена, что подруга с ней солидарна.

– Праздник же! – настаивал Рыбак.

И тогда, чтобы поставить жирную точку в разговоре, тоном, дававшим понять, что дальнейшее обсуждение вопроса отменяется, Кристина сказала:

– Наш преподаватель по философии говорил: «Чтоб праздник отличить от буден, давайте в праздник пить не будем!»

Тут девушка из компании, стоявшей за соседним столиком, обернулась и удивленно посмотрела на нее.

– Кристина? Светлова? – после непродолжительной паузы неуверенно спросила она.

– Вот тебе и венцы, – пробормотал Рыбак.

А Кристина растерянно кивнула:

– Да...

– Я Ольга... Ольга Котова...

– Ольга?.. – по ее лицу пробежала улыбка узнавания. – Ольга!

Она порывисто шагнула вперед, девушки тепло обнялись, а затем синхронно спросили:

– Какими судьбами? – и засмеялись.

– Это мои коллеги, – первой ответила Кристина. – Приехали в Вену на выходные. Ася, Иван, Федор и Тимур.

К этому времени Федор с Тимуром уже расставляли на столе бумажные тарелки с аппетитными загорелыми колбасками, при виде которых рот невольно наполнился слюной.

– А это – мои, – в свою очередь представила стоящих за соседним столиком Ольга. – Фигаро...

– Тот самый Фигаро? – спросил Федор, сражаясь с колбаской с помощью пластиковых ножа и вилки.

– Представьте себе, – усмехнулся невысокого роста блондин с выбритыми висками и креативным пучком на макушке – явно не обошлось без стайлинга. Он взял со стола бутылку, слегка встряхнул ее, отработанным жестом заправского сомелье снял фольгу, сдернул мязле и еще раз, уже более энергично, встряхнул. Пробка с хлопком вылетела в венское небо, следом хлынула пена куда попало – в стаканчики, на стол и даже на газету хмурого гражданина. Тот нахмурился еще больше и, что-то пробормотав, отошел к соседнему столику. – Приятно встретить соотечественников, – сказал как ни в чем не бывало Фигаро. – Присоединяйтесь!

Кристина тут же воспользовалась приглашением. Не ради дармового шампанского – ей действительно приятно было встретить одногруппницу. Следом, прихватив тарелку с непобежденной колбасой, подскочил Федор.

– Это Нана, – продолжала представлять спутников Ольга.

– Нана? – Федору наконец-то удалось справиться с колбаской, и, насадив кусок на вилку, он уставился на высокую брюнетку в темно-синем с едва заметной белой полоской брючном костюме. – Красивое имя. Наверное, грузинское?

Девушка скривила губы, отчего ее лицо приобрело холодное и злое выражение.

– Если каждый, кто задает этот вопрос, давал бы мне сто рублей, я бы уже насобирала на квартиру в центре Москвы.

– А это Славик и Антон, – продолжала Ольга, очевидно, не в первый раз слышавшая эту отповедь Наны.

– Славик – это я! – невысокий блондин похлопал себя по груди.

Антон, высокий и полный, задумчиво кивнул.

– Ну вы с нами или нет? – нетерпеливо спросил Фигаро, обращаясь к Тимуру, Ивану и Асе, по-прежнему стоявшим у соседнего столика.

– Ася... – позвала Кристина.

Та, не сводившая удивленных глаз с Фигаро, не заставила себя долго уговаривать. За ней к компании присоединился Тимур. Рыбак еще пару секунд постоял в раздумьях, а затем оторвался от столика с таким трудом, словно за те минуты, пока кусок железа служил ему подпоркой, тот врос в его бок и пустил там корни.

– Тост? – Ольга посмотрела на Фигаро.

– За Моцарта и Сальери, – торжественно провозгласил тот.

– За Сальери, – повторил Антон.

Тост показался Кристине странным, и пять минут тому назад она была против распития спиртных напитков на улице, но под взглядом Фигаро, направленным на нее, она смешалась и протянула руку. Стаканчик показался неприятным – мокрым и холодным, но шампанское понравилось. Фруктово-цитрусовое, с легкой кислинкой, оно показалось ей дерзким. Таким же, как Фигаро, который, несмотря на гламурный облик, выглядел вполне мужественно.

– «Моцарт и Сальери» – это спектакль, который мы ставим, – пояснила Ольга.

Глаза у Аси удивленно расширились.

– Пушкина? – уточнила она, обращаясь к Фигаро. Филолог по образованию, Ася с трепетом относилась к классике.

Лебедев, которому, очевидно, не понравилась интонация, с которой было произнесено это имя, недовольно фыркнул:

– Как можно вводить народ в заблуждение? Ведь уже всем и каждому понятно, что Сальери не травил Моцарта! Правда, Михалыч?

На застывшем лице Тимура, как обычно, не отразилось никаких эмоций.

– Правда, – подтвердил он. – В 1997, если память мне не изменяет, году в Милане состоялся суд над Сальери. В итоге подсудимый был оправдан в связи с отсутствием состава преступления.

– Вот-вот, – закивал Лебедев, – это просто треш какой-то. Я бы на месте родственников Сальери подал иск на родню Пушкина за клевету.

– Какая же клевета? – мягко возразила Ася. – Это художественное произведение...

– Если художественное, то надо было хотя бы фамилии поменять. Типа Иванов и Сидоров! – возразил Федор и радостно заржал – до того смешной ему показалась собственная шутка. Спустя полминуты, поняв, что смеется один, он успокоился, пожал плечами и вопросительно посмотрел на Кристину. – А что? Не так?

– Мне кажется, во времена Пушкина версия отравления Моцарта Сальери была вполне актуальна, – сказала она.

– Нана, – обратилась Ольга к подруге, медленно потягивающей шампанское, – скажи!

– И да, и нет, – глубокомысленно заявила она, и Кристина поняла, что это не первая ее порция алкоголя за этот вечер.

– Ну Нана! – с гримаской обиженного ребенка простонала Ольга.

– Мы же договорились – завтра, – отрезала та.

И тут Тимур Молчанов, который всегда и везде предпочитал своим поведением оправдывать фамилию, сказал негромко:

– Насколько мне известно, Сальери сам сознался в содеянном...

Тут он посмотрел на Нану с улыбкой, крайне доброжелательной, но с долей вызова. Причем это заметила только Кристина, с некоторых пор научившаяся считывать неуловимые постороннему глазу эмоции Тимура. И сейчас в его взгляде промелькнуло что-то сродни пресловутому 25-му кадру, который не привлекает внимания, но откладывается в подсознании. Впрочем, в отличие от 25-го кадра, на поверку оказавшегося элементарным мошенничеством, взгляд Молчанова был способен оказывать воздействие на подсознание человека. Иначе почему Нана, явно не приветствовавшая появление чужаков, вдруг сменила гнев на милость?

– Документально это нигде не зафиксировано, наоборот, Бетховен в своих разговорных тетрадях отрицает версию отравления Моцарта. И сам Сальери перед смертью говорил, что на нем нет этого греха.

Тем временем Фигаро снова наполнил «бокалы».

– За Моцарта! – провозгласил он, подняв бумажный стаканчик.

– За Моцарта, – хором отозвались присутствующие.

– И чем вы с коллегами занимаетесь? – спросила Ольга, когда с шампанским было покончено.

– Консалтингом, – ответила Кристина, пытаясь краем уха услышать продолжение разговора Тимура с Наной. Похоже, тема Моцарта заинтересовала и Асю, и, отлепившись от нее, она подошла ближе. Следом, разумеется, потянулся Лебедев. Компания, как это часто бывает после второго (а может, и не второго) бокала, разделилась по интересам: встреча выпускников (Кристина и Ольга), беседы на производственные темы (Фигаро, Антон и Славик), группа поддержки Пушкина и Сальери (Нана, Ася, Тимур и Лебедев). И только Рыбак продолжал держать нейтралитет, терзая пластиковым ножом забытую Асей колбаску.

Когда работаешь в одном помещении с коллегами, волей-неволей приобретаешь свойство слышать все, что происходит вокруг тебя. Вот и сейчас Кристина пусть не дословно, но улавливала, о чем идет речь в каждой группе.

Фигаро, Антон и Славик ссорились. Вернее, тон задавал Славик. Словно маленький задирый воробей, он поочередно насканивал на своих собеседников. Похоже, этот разговор заходил у них не в первый раз.

– Ты же обещал! – выговаривал Славик невозмутимому Фигаро. – Обещал, что я буду Моцартом.

– Разумеется, обещал, – согласился Фигаро. – При условии, что ты научишься играть на фортепиано как Моцарт.

– Я свидетель, – кивнул Антон.

– Ты вообще молчи! – наскочил на него претендент на роль Моцарта. – Сальери, между прочим, был худым. А у тебя центнер лишнего веса!

– Ну и ладно, – с невозмутимостью слона, преследуемого Моськой, отмахнулся Антон. – Зато мне не надо играть.

– Можно врубить фанеру, а я буду только изображать игру. Это же легко.

– Ага! Легко! Да только у тебя руки, как грабли. И пальцы не бегают, а ползают.

– Как будто в зале сплошные знатоки пальцев соберутся...

– Соберутся, не соберутся, мне халтура не нужна! – возразил Фигаро. – Да и не похож ты на Моцарта.

– А он похож на Сальери? – взвился Славик.

– Он – похож! – попытался урезонить спорщика Фигаро, но ничего путного из этого не вышло.

Ольга тем временем рассказывала о своей жизни после окончания института. На работу по специальности устроиться она не смогла: там, где обещали мало-мальски сносную зарплату, требовался специалист с опытом. Новоиспеченных же экономистов брали на такие копейки, что хватало лишь на проезд к месту службы да незамысловатый обед. Рассказывать, что сама проработала почти четыре года за те самые копейки, Кристина не стала. В отличие от Ольги она рискнула начать с азов, и в итоге риск оправдался. Одногоруппница же, помыкавшись в поисках работы и попробовав себя в различных ипостасях, наконец встретила Фигаро. Дальше шла многословная ода его организаторским и прочим талантам, которую Кристина слушала уже вполуха, сосредоточив внимание на нешуточном споре, разгоравшемся между Наной и Асей. Раскрасневшаяся Ася доказывала, что Александр Сергеевич вовсе не хотел своей маленькой трагедией опорочить имя Сальери, винила во всем немецкие газеты, дезинформировавшие солнце русской поэзии. И хотя на ее стороне был численный перевес в лице Федора, Нана явно побеждала, парируя Асины доводы сокрушительными аргументами.

С помощью Лебедева Ася отыскала в его смартфоне заметку Пушкина «О Сальери», написанную в 1833 году: «В первое представление Дон Жуана, в то время когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта, раздался свист – все обратились с негодованием, и знаменитый Сальери вышел из залы – в бешенстве, снедаемый завистью... Некоторые немецкие журналы говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении – в отравлении великого Моцарта. Завистник, который мог освистать Дон Жуана, мог отравить его творца»⁷.

– Вот, видите, – сказала она, – журналы говорили...

– Те же журналы говорили и об обратном. И по какой-то причине журналы, опровергающие эту историю, в руки Пушкина не попали. Это раз. – С улыбкой, полной сарказма, возразила Нана. – Во-вторых, первое представление «Дон Жуана» состоялось в Праге, и Сальери на нем не присутствовал, так как в это время находился в Вене, где ставил свою очередную оперу. В Вене – да, оперу не приняли: венцы ждали продолжения «Свадьбы Фигаро». По словам автора либретто Лоренцо Да Понте, император Иосиф II, почтивший присутствием премьеру «Дон Жуана» в венском оперном театре, сказал что-то вроде: «Опера божественна, но она не по зубам моим венцам». На что Моцарт, несколько не огорчившись, ответил: «Ну что же, дадим им время, чтобы разжевать ее». Так что в Вене свистунов было достаточно. Но Сальери вряд ли

⁷ Пушкин А. С. Статьи и заметки 1824–1836.

входил в их число. Он был человеком сдержанным и никогда не стал бы в присутствии самого императора вести себя столь неподобающим образом.

Говоря это, Нана смотрела вовсе не на Асю, грудью стоявшую за любимого поэта, и не на Лебедева, который вместе со своим смартфоном осуществлял ее техническую поддержку, а на Тимура Молчанова. А тот уже не был привычно индифферентен. Напротив, его лицо выражало крайнюю заинтересованность рассказом Наны, а может, и самой женщиной в строгом темно-синем костюме.

Кристина в своем вечернем платье вдруг почувствовала себя разряженной гусыней.

«Что это со мной?» – подумала она, стягивая полы кардигана и пряча лицо в воротник.

– Замерзла? – тут же отреагировал Тимур, и Ольга, прервав рассказ на полуслове, уставилась на нее.

– Нет, – Кристина помотала головой. Ну не признаваться же, что она, кажется, банально ревнует Тимура к умнице Нане.

А та, словно что-то почувствовав, обворожительно улыбнулась:

– Вот представьте, если бы Диккенс написал рассказ о том, что Лермонтов не был убит на дуэли Мартыновым. На самом деле его убил Лев Толстой, позавидовав молодости и таланту?

– Что за ерунду вы говорите! – опешила Ася. – Лев Толстой!.. Лермонтова!.. Позавидовал?.. Чему?.. Сальери завидовал, что Моцарту музыка дается легко, играючи...

– Вы сами в это верите? Ну конечно! «Гуляка праздный» – так, кажется, у Пушкина? Они оба были пахарями, что Моцарт, что Сальери. Но Сальери был признанным авторитетом, имел должность при дворе, деньги. Это Моцарт должен был завидовать Сальери.

– Дорогая Нана, – примиряющим тоном сказал Тимур («Ого! Она уже дорогая!» – внутренне возмутилась Кристина), – я поражен вашей эрудицией.

– Она у нас диссертацию защитила по Моцарту, – открыла тайну коллеги Ольга. – Так что с ней спорить бесполезно.

– Кстати, – снова обращаясь исключительно к Тимуру, сказала Нана, – я завтра обещала организовать маленькую экскурсию, посвященную Моцарту. Совсем маленькую... Не хотите присоединиться?

– Мы завтра уезжаем, к сожалению, – поспешила ответить Кристина. – И у нас другие планы.

– Кристина! – застонала Ася. – Я бы так хотела послушать...

– Нападки на Пушкина? – тут Кристина словно увидела себя со стороны и ужаснулась: ну какая же она дура! Но поделаться с собой ничего не могла – ведь эта защитительница диссертации по Моцарту ни много ни мало договаривается с Тимуром о свидании! У всех на глазах!

– Хотелось бы уточнить. – Рыбак, благополучно поджевший все колбаски, наконец обрел дар речи. – Если вы так относитесь к произведению Александра Сергеевича, почему выбрали для постановки именно его?

– Потому что Пушкин – наше все, – важно заявил Фигаро, а Ольга пояснила:

– Фигаро получил грант в честь 222-й годовщины со дня рождения Пушкина на продвижение творчества поэта в широкие массы. Наш проект станет интересен зрителям различных возрастов и социальных слоев. Это будет сплав гениальной лирики Пушкина и не менее гениальной музыки Моцарта. Мы планируем объехать всю Россию и не только. За границей живет огромное количество наших соотечественников, которые с удовольствием поддержат нас материально...

Несмотря на бодрый спич, финансисту в душе Кристины почему-то не верилось в успех подобного проекта. Нет, конечно, какую-то аудиторию они, может, и соберут, но насколько это будет выгодно... Грант – это хорошо, но любые деньги имеют обыкновение заканчиваться, причем чаще всего в самый неподходящий момент.

– В защиту Пушкина могу добавить, – сказала Нана, – что своей маленькой трагедией он фактически увековечил имя Сальери. Не напиши он ее, помнили бы мы сегодня его имя? Кто, кроме специалистов, может сказать, кем были Джованни Паизиелло⁸, Доменико Чимароза⁹, Висенте Мартин-и-Солер¹⁰, Джузеппе Сарти¹¹? А ведь во времена Моцарта их имена имели более высокий вес. Имя человека живо, пока о нем помнят, и в какой-то момент становится безразлично, гением или злодеем. – Нана пожала плечами и, немного помолчав, добавила, глядя в упор на Молчанова:

– Так что? Вы хотите завтра послушать про Моцарта?

– Хотим! Кристина, правда мы хотим? – взмолилась Ася.

– Конечно, хотим, – не преминул поддакнуть Лебедев.

– Хотим, – пришлось согласиться Кристине, хотя никакого желания вновь встречаться с Ольгиной компанией у нее не было. – Мы же хотим, Тимур?

У нее еще оставалась надежда, что тот с невозмутимым видом напомнит о договоренности с Андреем, но он – вот же предатель – только кивнул:

– Разумеется. – И, предваряя невысказанный вопрос, добавил: – Не беспокойся, с Андреем вопрос я решу.

⁸ Джованни Паизиелло (1741–1816) – итальянский композитор и педагог.

⁹ Доменико Чимароза (1749–1801) – итальянский композитор. Он был центральной фигурой в опере, особенно комической, в конце XVIII века.

¹⁰ Висенте Мартин-и-Солер (1754–1806) – испанский композитор, работал в Италии и Австрии, последнюю треть жизни провел в России.

¹¹ Джузеппе Сарти (1729–1802) – итальянский композитор и дирижер. Около двадцати лет жил и работал в России, внес существенный вклад в историю российской музыкальной культуры.

Глава 3

– Так что там с Фигаро? – Кристина вздрогнула от неожиданности, вынырнула из воспоминаний и вопросительно уставилась на Асю. Та смутилась. – Прости, если помешала! Мне показалось... Я подумала...

– Мы будем расследовать Фигаро? – сформулировал ее мысль Федор.

И хотя Асе – учительнице русского языка – не понравилась столь небрежно построенная фраза, Асе-детективу предложение пришлось по душе, и она несколько раз кивнула.

Однако Кристина предложение не одобрила.

– Конечно же нет. У нас и без него работы полно.

– Как по мне, – с опаской покосившись на Асю, заявил Рыбак, – от его смерти спектакль только выиграет.

Сколь ни жестоко звучала эта фраза, Кристина была вынуждена согласиться с ее справедливостью.

Встреча с Ольгой Котовой в Вене и приглашение на премьеру уже успели подзабыться, когда, неделю назад, одноклассница напомнила о себе.

– Кристина, привет! – голос Ольги переполняла радость. – Не забыла? Коронавирусные ограничения сняли, и в субботу мы наконец-то выносим «Моцарта и Сальери» на суд широкой публики. Как вы? Пойдете? Прислать приглашения?

Положа руку на сердце, идти не хотелось. С одной стороны, ничто так не укрепляет коллектив, как совместные походы на культурные мероприятия. Но почему-то сразу вспомнилась Венская опера, колбасная лавка с мятным зайцем на крыше, встреча на следующий день в соборе Святого Стефана, и в особенности взгляды, которыми обменивались Тимур и Нана. Конечно, отрицать бессмысленно – о Моцарте она рассказывала здорово, как-никак кандидат искусствоведения, защитившая диссертацию именно по этой теме. И все-таки...

Кристина окинула взглядом коллег. Ася с Федором что-то горячо обсуждают, Рыбак режется в «Морской бой», Тимур с головой погрузился в чтение *Financial Engineering News*. Ася, разумеется, будет очень рада пойти, а Лебедев, даже если есть какие-то планы, ни за что не откажется составить ей компанию. Рыбак, хотя и не любитель театра, не отпустит Асю одну. Остается Тимур. Пойдет? Не пойдет? Как бы хотелось, чтобы пошел... Как бы не хотелось...

– Алло, Кристина, ты еще тут? – нетерпеливо окликнула бывшую одноклассницу Ольга, и Кристина решила:

– Прислать, пять.

Приглашения и еще пахнущую типографской краской программку в тот же день принес курьер.

«Наверное, это была плохая идея – устроить культпоход на спектакль», – подумала Кристина, рассматривая черно-белый буклет, который венчал автопортрет Пушкина, а замыкало изображение Моцарта. Не того, что растиражировано на одноименных конфетах и разнообразных сувенирах, продававшихся в Вене на каждом углу, – белый парик с буклями на висках, мясистый нос, пристальный взгляд. Это был незаконченный портрет, написанный другом Моцарта: пышная грива темно-русых волос, грустные глаза. Композитор напоминал печального скворца. Нана рассказывала, что он очень любил птиц. В доме Моцартов всегда жили канарейки, скворцы. На похороны своей любимой птицы Вольфганг потратил 8 флоринов 56 крейцеров. Ровно столько же дал на похороны композитора друг семьи барон Готфрид ван Свитен, добавив дополнительно 3 крейцера на похоронные дроги...

Раскрыв программку, Кристина с удивлением пробежалась глазами по фамилиям задействованных в спектакле актеров. Моцарт – Андрей Хромов (в Вене, кажется, был Славик?), Сальери – Антон Скворцов, Констанца Моцарт – Ольга Котова, скрипач – Наннерль Серова,

Фигаро – Фигаро. Надо же! Нана превратилась в Наннерль. Кажется, так близкие называли сестру Моцарта. А Фигаро? У него что – нет настоящего имени и фамилии?

Кристина скользнула глазами вниз. Художник по свету... Звукооператор... Ага, вот: режиссер-постановщик Фигаро. Ерунда какая-то. Ольга сказала, что спектакль поставлен за счет гранта. Значит, вся документация, в том числе и акты полиграфической организации, изготовившей эту программку, а также ее образец должны быть приложены к отчету. Просто Фигаро, без фамилии, даже если это сценический псевдоним, выглядит как-то неуместно.

Увлечись, Кристина не заметила, как к столу подошел Тимур.

– Билеты? – спросил он.

– Да, – подтвердила она и постучала ногтем по возмущившему ее слову «Фигаро».

– Богема, – пожал плечами Тимур.

Через день сотрудники агентства «Кайрос» в полном составе заняли места в пятом ряду Дома культуры железнодорожников. Может, в связи с коронавирусными ограничениями, а может, по каким-то другим причинам зрителей оказалось немного, и зал был заполнен примерно на треть. Внешне он абсолютно ничем не напоминал Венскую оперу – ни роскошностью убранства, ни удобством кресел, ни красотой занавеса, который попросту отсутствовал, ни лаконичным оформлением сцены, состоящим из деревянного стола, пары стульев и черного фортепиано, покрытого толстым слоем пыли. Но стоило прозвучать первой реплике Сальери, и Кристина словно выпала из окружающей реальности:

Все говорят: нет правды на земле.

Но правды нет и выше. Для меня

Так это ясно, как простая гамма¹².

Сальери в исполнении Антона, с которым они познакомились возле колбасной лавки с мятным зайцем на крыше, безусловно, был талантливым актером. Он говорил негромко, с такой непередаваемой горечью в голосе, что у Кристины мурашки побежали по спине. А после слов: «...Я сделался ремесленник...» – на глаза набежали слезы. Конечно же, она в школе изучала Пушкина, вернее, проходила. Проходила мимо. И только сейчас ей открылась вся мудрость поэта. Ей казалось, что строки эти – про ремесленничество – сказаны про нее, Кристину Светлову. Вся ее жизнь – однообразная рутина с редкими всплесками вроде поездки в Вену или вот этого похода на спектакль самодеятельных актеров. Хотя нет, Антона-Сальери к дилетантам отнести нельзя. Уж очень он был профессионален. Тем временем на сцене появился Моцарт. В противовес Сальери, одетому во все черное, он был воистину блистающим – камзол, обшитый золотым шнуром, кружевные манжеты, жабо с искрящейся в свете софитов брошью. От серебряных пряжек на его туфлях, щедро украшенных стразами, по всей сцене разбежались солнечные зайчики. Из-за белокурых волос, собранных в небрежный хвост и перетянутых черной лентой, Кристина сначала решила, что это Фигаро, но почти сразу поняла свою ошибку – Моцарт был моложе и выше ростом, чем руководитель театра. Оправдывая пушкинское «гуляка праздный», он принялся балагурить:

Ага! увидел ты! а мне хотелось

Тебя неожиданной шуткой угостить.

Моцарт хлопнул Сальери по плечу, и тот от неожиданности закашлялся.

¹² Пушкин А.С. «Моцарт и Сальери».

Смешнее отроду ты ничего
Не слыхивал... Слепой скрипач в трактире
Разыгрывал voi che sapete. Чудо!
Не вытерпел, привел я скрипача,
Чтоб угостить тебя его искусством.
Войди!

На сцене появилось высокое создание со скрипкой в руках в длинном обшарпанном плаще и мятой шляпе с обвислыми полями, полностью скрывавшими лицо. Благодаря программке Кристина знала, что это Нана, но в первый момент засомневалась, так ли это на самом деле.

Из Моцарта нам что-нибудь!

Скрипач тряхнул головой, и Кристина поняла, что ошибки нет: это действительно Нана, вернее, Наннерль. Уставившись невидящими глазами в зал, она прижала скрипку к подбородку и вскинула смычок.

Нана не попадала в ноты, то гнала куда-то, то тянула, словно кота за хвост. Одним словом, играла отвратительно, но игра ее была во сто крат лучше поведения Моцарта. Тот хохотал и скакал по сцене, словно орангутанг, периодически останавливаясь и хлопая себя ладонями по обтянутым панталонами ляжкам. Кристина покосилась на Тимура, и по его абсолютно невозмутимому виду поняла, что он жалеет о потраченном на культпоход времени. К счастью, бесчинство вскоре закончилось. Получив горсть монет, скрипач отправился восвояси, а Моцарт по просьбе Сальери сел за фортепиано и задумчиво перебрал клавиши. Похоже, фортепиано как музыкальный инструмент умерло еще в прошлом веке. Но тут на помощь исполнителю пришла фонограмма. Музыка, чистая, трепетная, то простая, то замысловатая, как кружева на манжетах Моцарта, то тревожная, то умиротворенная, наполнила зал. Сидящая рядом с Кристиной Ася судорожно вздохнула.

Закончив играть, Моцарт принял приглашение Сальери отобедать с ним в трактире «Золотого Льва» и отправился домой, чтобы предупредить жену. Пока Сальери произносил свой монолог, на сцену выскочили два дюжих молодчика, тащивших огромную кровать. Зрители оживились, и прекрасные пушкинские строки были проглочены этим оживлением.

...Я избран, чтоб его
Остановить – не то мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я один с моей глухой славой...

Вот она – истина. Сальери убил Моцарта не из зависти. Это была самозащита, а еще защита коллег Сальери – служителей музыки. Почему-то словам Пушкина, вложенным в уста своего героя, верилось безоговорочно. И обвинять Сальери в преступлении бессмысленно – он сделал то, что считал единственно необходимым. Как бы поступила она, Кристина, если бы оказалась в подобной ситуации – узнала, что неминуемая смерть угрожает всем сотрудникам «Кайроса»? Расправилась бы с убийцей? Однозначно – да. Хотя, может быть, не так радикально. Ведь есть еще закон... Полиция... Андрей...

Кристина вздохнула. Каждый раз при воспоминании о майоре Андрее Щедром, начальнике отдела особо тяжких преступлений городского управления МВД, у нее возникало состояние определенного дискомфорта. Майор был в нее влюблен и в силу природной прямолинейности не считал нужным этого скрывать. Когда-то давно, воспользовавшись моментом, он

сделал Кристине предложение и терпеливо ждал ответа¹³. Дать положительный ответ Кристина не могла – обжегшись когда-то на своей первой любви, она боялась серьезных отношений¹⁴. Вот если бы на месте майора был Тимур Молчанов...

Было в Кристинином заместителе нечто притягивающее. Свои чувства Тимур надежно скрывал, словно пушкинский скупой рыцарь. Лишь изредка, осторожные и тонкие, они пробивались через броню, которую он никогда не снимал, словно вездесущая весенняя трава сквозь асфальт. В эти редкие моменты до Кристины доносились отголоски испытываемой им симпатии. Именно они тормозили развитие отношений с майором. Но очень уж много плюсов детективно-консалтинговому агентству «Кайрос» давала дружба с Щедрым, и перечеркнуть их отказом было с ее стороны по крайней мере некорректно, а по большому счету просто глупо. Глупостью никто из сотрудников «Кайроса» не страдал.

Пока Кристина разбиралась в своих чувствах к Щедрому, Сальери встал из-за стола и с горделивой осанкой удалился. Один из молодчиков вынес стул и поставил его на край сцены, следом выпорхнула Ольга. Высокую замысловатую прическу украшала кокетливая шляпка с цветами. Пышное нежно-розовое платье с многочисленными воланами, рюшами и драпировками делало ее похожей на шаловливого ребенка, а никак не на мать шестерых детей. Покружившись по комнате, Ольга с размаху плюхнулась на кровать, и Кристина заподозрила, что сейчас последует постельная сцена. Иначе зачем держать на сцене не стреляющее ружье? Но в ту же минуту ее подозрения развеялись, ибо Моцарт явился не один, а в сопровождении Наны.

Все в тех же шляпе и плаще, со скрипкой под мышкой, она села на стул, посмотрела в зал невидящими глазами, вскинула смычок, на мгновение замерла, словно обдумывая что-то, и тишину зала прорезали первые торжественные ноты «Маленькой ночной серенады». Яркие и уверенные, они тут же были подхвачены оркестром, а Моцарт, галантно поклонившись Ольге, протянул руку, в которую она кокетливо вложила свою.

Они танцевали старинный менуэт: поклоны, грациозные жесты, плавные приседания, легкие прикосновения, выразительные взгляды. Блистательный Моцарт, воздушная Констанца, чарующие звуки музыки – это было гораздо более эротично, чем самая откровенная постельная сцена.

Танец закончился, и зал взорвался аплодисментами. Пока счастливые исполнители кланялись, кровать снова заменили на стол.

На сцене все в том же черном костюме появился Сальери.

– Что ты сегодня пасмурен? – спросил он.

– Я? Нет! – отозвался Моцарт, подходя к столу и отодвигая стул.

И это не соответствовало действительности. За короткое время, прошедшее после танца, он изменился до неузнаваемости. Это был все тот же актер, и одежда на нем осталась та же. Но благодаря игре света он уже не сиял. Поблекло, потускнело золотое шитье, попрятались солнечные зайчики. Лицо Моцарта утратило свежесть, сделалось серым, под глазами залегли тени.

С болезненной горячностью он стал рассказывать о незнакомце, заказавшем ему «Реквием», делиться с Сальери своими страхами.

Тот, успокаивая его, сказал:

И, полно! что за страх ребячий?
Рассей пустую думу. Бомарше
Говаривал мне: «Слушай, брат Сальери,
Как мысли черные к тебе придут,

¹³ О знакомстве майора Щедрого и Кристины читайте в романе Ирины Грин «Сквозь аметистовые очки».

¹⁴ Роман Ирины Грин «Нарушенная заповедь».

Откупори шампанского бутылку
Иль перечти «Женитьбу Фигаро».

Тут боковая дверь с шумом распахнулась, прожектор метнулся и осветил фигуру Фигаро. Белая широченная рубашка с рюшами, расстегнутая на груди, черные штаны до колен, распущенные выющиеся волосы – и Моцарт, и Сальери мгновенно были позабыты, все внимание сосредоточилось на нем. Заиграла музыка, и Фигаро, идя по проходу, запел:

– Ла-ла-ла-лейла, ла-ла-ла-ла!

С точки зрения Кристины, пел он здорово: с чувством, с воодушевлением, но абсолютно не к месту. Если танец и «Маленькая ночная серенада» украсили спектакль, то ария была подобна осиновому колу, вбитому в его душу. Она перерубила нерв действия, фактически убив его. Вряд ли в зале остался хоть один зритель, которому было дело до борьбы в душе Сальери, до сумасшествия Моцарта. Они, словно отыгравшие свое и забытые на сцене марионетки, поблекли, потеряли смысл. Сейчас здесь царил Фигаро. Поминаемый Пушкиным мимоходом, он превратился в главное действующее лицо.

«Но почему эта ария? – недоумевала Кристина. – Это же не Моцарт!» Россини, «Севильский цирюльник». Та самая опера, которую они слушали в Вене. Она написана после смерти Моцарта и, выражаясь современным языком, является приквелом «Женитьбы Фигаро» Моцарта. Кристина покосилась на сидящего рядом Тимура, но на его лице не отражалось никаких эмоций.

– Это Моцарт? – громким шепотом спросил Лебедев у Аси, перегнувшись через сидящего между ними Рыбака.

– Нет! Тише! – возмутилась она.

Окончание спектакля: выпитый бокал, слезы Сальери – самые что ни на есть настоящие, «Реквием» – все было скомкано, повисло, словно паруса в штиль. Трагедия превратилась в фарс.

Но на щедрость аплодисментов это абсолютно не повлияло. Зал аплодировал минут десять. Какая-то очень высокая и худая женщина в несуразно длинной тунике, отчего она казалась еще выше, и широких брюках вручила Нане букет роз, который та, смутившись, сунула Фигаро.

Выходя из зала, Кристина столкнулась со Славиком, тем самым, который должен был играть Моцарта.

– Привет! – сказала она, но тот не обернулся, и Кристина решила, что обозналась. Все-таки со встречи в Вене сотрудников «Кайроса» и участников спектакля «Моцарт и Сальери» прошло довольно много времени.

Раздражение и разочарование – вот два чувства, с которыми Кристина вернулась домой. Хотя, если откровенно, частично их вызвал не столько спектакль, сколько поведение Молчанова. Проводив Кристину до подъезда, он не стал напрашиваться на чай-кофе, а она сама не решилась его пригласить.

Ну вот и все. Пока мысли Кристины витали где-то далеко, мозг привычно выполнял свою работу. Пробежав глазами подготовленный документ и оставшись удовлетворенной его содержанием, она переговорила по телефону с заказчиком. Браться за что-то новое не хотелось. Пожалуй, есть смысл уйти с работы пораньше – ведь ей еще нужно ехать за Настей Дубровиной в детский сад на Вокзальной.

– Уже уходишь? – удивилась Ася. – Может, пойдем выпить моккачино?

Вкуснейший моккачино подавали в кафе в двух шагах от офиса «Кайроса», и Кристина, как бы ни была загружена работой, практически никогда не отказывалась от подобного предложения. Но сейчас его подоплека была шита белыми нитками. «Расследование Фигаро» – вот что хочет обсудить Ася. А какое может быть расследование, если они даже фамилию его

не знают? Вряд ли в паспорте и прочих официальных документах режиссера-постановщика «Моцарта и Сальери» фигурирует имя персонажа Бомарше.

– Завтра, завтра! – покачала головой Кристина и, подхватив со стола сумку – увесистую торбу, в которую помещался ноутбук и пара-тройка объемистых папок, – поспешила к двери.

– Завтра так завтра, – пожала плечами Ася под звон колокольчика над входной дверью, провожающего Кристину.

Глава 4

Стоило Кристине сесть в машину и пристегнуться ремнем безопасности, как в ней проснулся дисциплинированный водитель.

«Как же я повезу ребенка, если у меня нет детского кресла?» – подумала она. Опыта ни в приобретении, ни тем более эксплуатации подобного устройства у нее не имелось. По хорошему нужно было сразу же поручить это дело бездельничавшему Рыбаку. Он наверняка обрадовался бы возможности прогуляться. Но теперь поезд ушел – не возвращаться же ради этого в офис. Забив в навигатор адрес ближайшего автомагазина, Кристина отправилась в путь.

Первый же вопрос, заданный продавцом-консультантом, симпатичным молодым человеком в темно-синем комбинезоне с красной эмблемой фирмы на нагрудном кармане, поставил ее в тупик:

– А сколько лет ребенку?

– Ну... – Кристина задумалась, – от двух до трех... Или четырех... Разве у вас нет универсального кресла?

– Универсальные есть от рождения до четырех и от рождения до семи. Может, вы знаете вес ребенка? – в голосе продавца Кристина уловила нотки мужского превосходства. Парень определенно насмеялся над ней.

– Вес точно не знаю, – она пожала плечами. – Дайте мне то, что до четырех лет, а если не подойдет, я приеду и поменяю. Хорошо?

Разумеется, продавец с радостью согласился, лишь бы поскорее избавиться от покупательницы, желающей приобрести то, не знаю что. Он любезно донес покупку до машины, помог установить кресло и коротко проинструктировал, как им пользоваться, за что Кристина простила ему насмешки.

Обнесенный внушительным забором детский сад на Вокзальной буквально утопал в зелени. У ворот в дежурке ковырялся в смартфоне охранник. Кристина остановилась, решив, что нужно предъявить какой-то пропуск, но секьюрити, скользнув по ней взглядом, очевидно, принял за свою и лишь лениво кивнул в сторону рамки металлоискателя – проходи, мол. Кристина скользнула вперед, рамка пискнула, но страж ворот не отреагировал, и она пошла по дорожке из веселой разноцветной плитки к белому трехэтажному зданию. Внутри оно тоже оказалось веселым: разноцветные двери, на стенах – кувыркающиеся медведи, зайцы, жонглирующие морковками, и белочки с золотыми орешками в лапах. Тишина, царившая в здании, настораживала. Может, она опоздала и всех детей уже разобрали добропорядочные родители? Только бедняга Настя Дубровина тихо грустит где-то в уголке.

Тут одна из дверей – желтая – открылась, и в коридор вышла женщина. Невысокого росточка, с пышным рыжим хвостом, она напоминала одну из нарисованных на стене белочек, только вместо орешка в руках у нее была сумка. Точь-в-точь такая же объемная торба, как у Кристины.

– Здравствуйте! – обрадовалась она.

– Здравствуйте! – Женщина окинула ее цепким взглядом, скользнула по сумке и, очевидно признав коллегу, улыбнулась. – Вы по какому вопросу?

– Я... Меня попросили ребенка забрать. Настю Дубровину из младшей группы.

Кристина вдруг испугалась: сейчас женщина-белочка скажет, что детей могут забирать только родители, а незнакомому человеку с улицы ребенка не отдадут, но та лишь кивнула:

– Да, Настя мама дала добро, чтобы девочку забирали родственники и знакомые. Младшая группа сейчас на прогулке. Пойдемте, я вас провожу.

Свое раннее детство Кристина давно забыла, но в детском саду, куда водила ее бабушка, определенно не было такой замечательной игровой площадки: ярко-зеленое покрытие, оранжевые скамейки, горка, песочница, качели – все новенькое, чистое и радует глаз. Даже деревья, огромные раскидистые липы, наверняка посаженные в прошлом столетии, казались молодыми.

Сначала Кристине показалось, что на площадке никого нет. Но тут сопровождающая ее женщина негромко кашлянула, и с ближайшей скамейки, стоящей спиной к зданию детского сада, вскочила высокая тощая девушка, на ходу пряча в карман смартфон.

– Ой, Елена Александровна, здравствуйте! – запрочитала она. – Всех детей разобрали, кроме Дубровиной!

– Здоровались уже, Галина Михайловна, – тоном, не обещающим ничего хорошего, проговорила женщина. Сейчас она уже напоминала не белочку, а скорее рассерженную белку, готовую вцепиться в нарушителя ее спокойствия.

На «Михайловну» девушка со скамейки явно не тянула. Несерьезная какая-то, да еще и телефоном пользуется, хотя это, судя по всему, запрещено в рабочее время. Сейчас женщина-белка ей задаст! Но, похоже, Елена Александровна предпочитала не выносить сор из избы. Разбор полетов состоится обязательно, но позже, без посторонних. Сейчас же она только едва заметно покачала головой:

– Это как раз за Дубровиной.

– За Настей? – уточнила Галина.

– За Настей.

– Настенька! – голосом, полным паточки, позвала воспитательница. – Иди сюда, за тобой пришли.

Откуда-то из-под дерева раздался нечленораздельный звук и появился ребенок в красной футболке и зеленых шортах. Определить на глаз, мальчик это или девочка, было сложно: всклокоченная копна буйных русых кудрей, уже начавшая подживать царапина на щеке и огромные светло-серые глазищи с одинаковым успехом могли принадлежать и тому и другому.

Кристина наклонилась к девочке.

– Здравствуй, Настенька. Меня зовут Кристина. Тетя Оля попросила меня забрать тебя сегодня. Пойдем?

Ребенок никак не отреагировал на ее слова.

– Она не очень разговорчивая, – пояснила воспитательница. – Все понимает, но говорить не любит. Нет, ну, конечно, когда ей надо, она говорит, словарный запас у нее довольно большой, но обычно предпочитает действовать молча. Особенно с незнакомыми людьми.

– Пойдем, – повторила Кристина и провела рукой по волосам ребенка, неожиданно оказавшимся мягкими и шелковистыми.

– Завтра не опаздывайте, – напутствовала их Галина.

Кристина взяла девочку за руку – та не сопротивлялась – и пошла к выходу. Происходящее казалось каким-то неправильным. Она ждала, что придется приложить определенные усилия, чтобы ей отдали чужого ребенка, а все прошло гладко, даже не верится.

Охранник в дежурке по-прежнему ковырялся в смартфоне и не удостоил выходящих вниманием. Нет, она, Кристина Светлова, ни за что не отдала бы свою дочь в подобное заведение. Если бы у нее была дочь... Подобные мысли навещали ее очень редко, практически никогда. Они выбивали из накатанной рабочей колеи, вызывали приступы жалости к себе и самокопательства с целью выяснения причины, кто виноват и что делать. Но сейчас, когда в руке у нее лежала мягкая ладошка трехлетнего человека, заниматься подобной ерундой было просто невозможно.

Похоже, ездить в машине Насте Дубровиной было не впервой. Стоило Кристине открыть заднюю дверь, как она деловито скользнула в автокресло и поерзала, устраиваясь поудобнее.

Пристегивая ремень безопасности, Кристина не удержалась и снова провела ладонью по непослушным волосам на макушке Насти.

Ребенок посмотрел на нее со снисходительным сожалением и сказал что-то вроде «Аня-ня-ня».

«Ну вот, а говорят, что с чужими не разговаривает, – подумала Кристина, вырulingая с парковки. – Ничего, Настенька, мы найдем с тобой общий язык».

Однако это оказалось непросто.

Чем кормить девочку, Кристина спланировала заранее. В морозильнике у нее хранился кусок куриного филе. Пока мясо размораживалось, Кристина почистила несколько картошек и маленькую луковицу. Вооружившись блендером, она смастерила из курицы и лука небольшие котлетки, забросила картошку в мультиварку и, установив сверху решетку для приготовления на пару, положила котлеты на нее. Через полчаса вкусный ужин был готов. Кристина даже расстаралась – помяв картошку с молоком и маслом, выложила пюре красивыми волнами, а рядом пристроила котлетки.

Пока она занималась готовкой, Настя сидела рядом на полу и рассматривала игрушечного медведя, которого Кристине когда-то подарила мама.

– Настенька, иди кушать! – позвала она.

Ребенок в это время, стащив с ноги носок, пытался приладить его игрушке на голову и, явно считая свое занятие более важным, на зов не откликнулся.

Взяв тарелку, Кристина присела рядом с девочкой.

– А посмотри, какие вкусные котлетки!

– Ам-ням-ням, – проговорил ребенок. Маленькая ручка ловко ухватила котлетину и сунула ее в рот. – Ам-ням-ням, – вторая отправилась в пасть медведю.

Тот заботу не оценил и от еды категорически отказался. Но Настя не собиралась сдаваться – размазала еду по медвежьей морде, а остатки сунула себе в рот.

Приведя запачканные физиономии ребенка и медведя в порядок, Кристина решила не настаивать на продолжении ужина. Устроившись с Настей на диване, она нашла канал с мультфильмами. Как же это оказалось здорово – сидеть рядом с маленьким человечком и с непривычным, не испытываемым до этого восторгом наблюдать за его реакцией на происходящее на экране.

День близился к концу, Настя сонно терла глаза маленькими кулачками.

– Ну что? Будем спать? – Кристина взяла пульт, собираясь выключить телевизор. Лицо девочки вытянулось, глаза наполнились слезами, и из скривившегося рта раздался мощный крик:

– Аня-ня-ня!

– Настенька, что ты! – переполошилась Кристина. – Не хочешь спать? Не надо. Посидим еще, посмотрим мультики.

Но маленький человечек не внимал ее словам. От крика лицо девочки покраснело, жилы на тоненькой шейке напряглись – вот-вот лопнут.

Что делать? Кристина схватила орущее дитя на руки и, энергично тряся его, принялась расхаживать по квартире. Крик, казалось, становился все громче и громче.

– Аня-ня-ня!

– Девочка моя хорошая! – как заклинанье повторяла Кристина. – Не плачь!

Она мысленно перебирала в голове причины, которые могли так огорчить ребенка. Чужая обстановка? Чужая тетя? Но ведь сначала она отнеслась ко всему вполне нормально. Что тогда? Еда? Котлеты? Съела слишком много?

Кристина приложила губы ко лбу Насти. Горячий? Нет? Она нашла градусник и попробовала сунуть его ребенку под мышку, но не получилось: девочка извивалась ужом. Что делать? Позвонить Асе? Уже поздно, они с Рыбаком наверняка легли спать. Тимуру? Неудобно... Нет,

он, конечно, не откажет. К тому же у него есть опыт общения с младенцами. Хоть какой, но есть. Но пока Тимур примчится из своего загородного коттеджа, с ребенком может случиться все что угодно. «Скорая»? В памяти тут же всплыли страшилки о «Скорых», которые вовсе не скорые и приезжают через несколько часов после вызова. Что тогда? Ехать в больницу самим? А что? Это идея!

Закутав орущую Настю в плед, Кристина выскочила из квартиры и слетела по лестнице. Усаживание ребенка в автокресло превратилось в непроходимый квест, но она справилась. В приемном покое детского комплекса ожидало своей очереди шесть детей разного возраста в сопровождении родителей, преимущественно мам, среди которых затесался всего один мужчина. Кристина с продолжающей орать Настей направилась к двери с надписью «Дежурный педиатр», но была остановлена зычным рыком:

– Куда прешь? Не видишь – очередь! – возмутилась одна из мамаш, здоровенная женщина в ярко-красном платье с полным круглым лицом и усиками над верхней губой, рядом с которой сидел бледного вида подросток лет пятнадцати.

– Я... У меня ребенок... – растерялась Кристина.

– У всех дети! Садись в конец очереди и жди, – скомандовала женщина с усиками.

– Да пусть пройдет! Ребенок так орет, что сейчас уши лопнут, – простонал мужчина и обхватил руками голову.

– Только через мой труп! – безапелляционным тоном заявила женщина с усиками и, подскочив с диванчика, заняла оборонительную позицию у заветной двери.

Остальная очередь безропотно молчала. Кристине ничего не оставалось, как занять свободный диванчик и продолжить безуспешные попытки успокоить орущего ребенка.

«Сколько же придется ждать? – подумала она. – Час как минимум».

Но тут дверь открылась, выпуская женщину с зареванной девочкой лет пяти, а следом за ней вышел мужчина в синем медицинском костюме и шапочке с цветным рисунком. Судя по висящему на шее стетоскопу – врач.

– Кто это тут у нас так кричит? – спросил он с улыбкой и кивнул Кристине: – Проходите.

– А как же очередь? – завопила женщина с усиками.

– Момент, – все с той же улыбкой осадил ее доктор.

Кристина, не заставляя просить себя дважды, вспорхнула с места и скользнула в открытую дверь.

– Ну, что у нас? – спросил доктор и жестом указал на кушетку.

Кристина уложила орущего ребенка и сделала шаг назад, чтобы дать возможность доктору подойти к нему. Сзади нее раздался резкий голос:

– Документы?

Кристина обернулась и обнаружила, что в кабинете сидит еще и женщина, очевидно, медсестра – предпенсионного возраста, в идеально наглаженном белом халате, что было очень удивительно для столь позднего часа; женщина смотрела на нее в упор.

– Мои?

Она вдруг поняла, что в кабинете стало на удивление тихо, обернулась и застыла в изумлении: Настенька лежала абсолютно спокойно, а доктор, сидя рядом с ней, осторожными движениями пальпировал живот. Это просто магия какая-то...

– Зачем мне ваши? Ребенка документы! – строго скомандовала медсестра.

– Понимаете, она так кричала, что я растерялась и даже не подумала про документы...

– Даниил Сергеевич, – возмущенным тоном заявила медсестра, – документов нет!

– Ну что я могу сказать, – поднимаясь, произнес врач, – девочка абсолютно здорова. Причин для волнения нет, но, если вы все-таки хотите в этом удостовериться, советую обратиться в поликлинику по месту жительства, к участковому педиатру. И памперс можно уже поменять.

– Памперс? Да, конечно! Спасибо, доктор! – Кристина взяла девочку на руки и направилась к выходу. – Огромное спасибо!

– Как спасибо? Даниил Сергеевич! – возмутилась медсестра.

– Что? – обернулась Кристина в недоумении.

– Продиктуйте, пожалуйста, фамилию, имя ребенка, дату и год рождения, свой адрес.

Кристина с облегчением выдохнула. Она было подумала, что здесь принято брать с пациентов какую-то мзду. В принципе, ей было совершенно не жалко дать денег этому замечательному врачу, который принял орущую Настю без очереди и смог успокоить ее в одно мгновение. Вот только она забыла дома сумку, а если бы и взяла, вряд ли в ней нашлась бы достойная такого случая сумма. Привычка везде и всюду расплачиваться карточками имеет как свои плюсы, так и минусы.

Продиктовав медсестре необходимые данные (свой адрес и взятую с потолка дату рождения ребенка), Кристина выскользнула в коридор, где нарвалась на негодующий взгляд женщины с усиками. Он, казалось, жег ей спину, пока она со своей ношей шла к выходу.

Магии доктора хватило ровно до парковки. Стоило открыть дверь в машину, как Настя снова принялась орать, сделав миссию по усаживанию ее в автокресло практически невыполнимой, но Кристина справилась. Одновременно рулить и увещевать голосящего ребенка не получалось, поэтому она постаралась отвлечься и подумать о чем-нибудь другом. Но мысли все равно возвращались к вопиющей проблеме с заднего сиденья. «Ты же задумывалась о ребенке, – шептали они. – Вот оно, материнство в чистом виде. И это еще относительно взрослый ребенок, а не грудной младенец. Если ты с трехлетним не можешь справиться, значит, мать из тебя никакая».

Кристина хотела возразить, но тут почувствовала, что в машине стало тихо. Посмотрев в зеркало заднего вида, она увидела, что уставшая от крика Настя заснула.

В подъезд Кристина входила тихо, чтобы шум закрывающейся двери не потревожил сон ребенка. Уложив девочку на свою кровать, она осторожно сняла с нее одежду, сожалея, что не догадалась купить что-нибудь на смену. Ничего, завтра все наверстает, а сегодня вещички можно постирать. Но сначала она заказала в интернет-аптеке упаковку памперсов. За двойную цену их пообещали доставить в течение часа. После стирки Кристина, чувствуя себя до предела разбитой, решила прибегнуть к средству, всегда помогавшему ей в самую трудную минуту, – семейной упаковке йогурта, запас которого никогда не иссякал в холодильнике. Достав заветную баночку и вооружившись чайной ложкой, она уселась в бабушкино любимое кресло, которое та называла вольтеровским.

Но сегодня йогурт не принес желаемого умиротворения. Напротив, после первой же ложки ей показалось, что в спальне как-то подозрительно тихо. Поставив баночку на журнальный стол, она на цыпочках подошла к двери. Настя лежала тихо, вольготно раскинувшись на кровати. Даже при большом желании Кристина не смогла бы устроиться рядом, не потревожив сон девочки. За окном проехала машина, свет фар пробежался по стене, и в спальне стало снова темно и тихо. Слишком тихо. Кристина вдруг поняла, что не слышит дыхания девочки. Совершенно некстати вспомнился Чак Паланик со своей «Колыбельной»¹⁵, прочитанной буквально пару месяцев назад. Лишь приблизившись вплотную к кровати, Кристина заметила, как мерно поднимается и опускается маленькая грудная клетка. Она выдохнула, но тут же поняла, что вернуться в кресло, к отдыху с йогуртом, уже не сможет – слишком велика тревога за доверенного ей ребенка. Оставалось устроиться на ковре возле кровати и ждать утра.

Наверное, Кристина все-таки заснула: когда будильник зазвонил, как обычно, в шесть утра, в первое мгновение она не могла понять, как очутилась на полу. Но тут же вспомнила, и из

¹⁵ «Колыбельная» – роман Чака Паланика, опубликованный в 2002 году, рассказывающий о синдроме внезапной смерти младенцев.

груди вырвался невольный стон. Умывшись и приняв душ, Кристина тщательно расчесалась, нанесла консилер под глаза, чтобы замаскировать следы бессонной ночи, и выпила полчашки кофе. Ну все, пора.

В лучах утреннего солнца спящая девочка напоминала ангела. Однако, стоило Кристине прикоснуться к маленькому плечу и проговорить:

– Настенька, вставай! Пора в садик! – ангел превратился в вопящего чертенка. Она подскочила на кровати и, не успевшая Кристина опомниться, вихрь по имени Настенька скатился с кровати, к счастью, ничего себе не повредив, и понесся в другую комнату.

– Ам-ням-ням, – донесся через секунду восторженный возглас. Схватив памперс и приготовленную для ребенка одежду, Кристина бросилась следом за девочкой. Оказалось, Настя обнаружила забытый ею йогурт и теперь с упоением поедала его. Поднося ложку ко рту, она не сводила глаз с лакомства, из-за чего казалось, что, проглатывая очередную порцию, она закрывает глаза от невыразимого блаженства.

«Вот чем нужно кормить детей», – шепнул Кристине внутренний голос. «Котлеты ей тоже понравились», – возразила она и, воспользовавшись удобным моментом, быстренько натянула на девочку одежду.

Не осилив всю банку йогурта, Настя поставила ее на пол. Кристина, быстро сориентировавшись, схватила девочку в охапку и понеслась на улицу, к машине. Магия йогурта оказалась сильнее вчерашнего доктора. Настя была довольна жизнью и дала усидеть себя в кресло. Но, стоило ей увидеть, куда, собственно, они направляются, как снова раздался оглушительный рев, заглушивший все увещевания. Подхватив девочку на руки, Кристина побежала знакомым маршрутом. Сегодня в дежурке сидел другой охранник, более ответственный: он первым поздоровался и сочувственно улыбнулся чересчур шумным посетительницам.

Куда идти, Кристина не знала, поэтому направилась уже знакомым путем к желтой двери, из которой вчера вышла ей навстречу женщина с пышным рыжим хвостом на голове, Елена Александровна. Впрочем, сегодня ее голову венчала несколько старомодная хала.

– Второй этаж, комната двадцать два, – громкой скороговоркой произнесла она, увидев Кристину с орудием Настей на руках. – А потом зайдите ко мне на минутку.

Подъем по лестнице по сложности был сравним разве что с восхождением на Эверест с неподъемным рюкзаком. Блузка прилипла к спине, пот заливал глаза. Спасительная дверь с двумя двойками оказалась совсем рядом с лестницей. Толкнув ее, Кристина оказалась в большой светлой комнате с разноцветными шкафчиками по периметру и мягкими скамейками в центре. Больше ничего разглядеть не удалось – на шум из соседней комнаты выбежала вчерашняя девушка, Галина Михайловна.

– Здравствуйте! Кто к нам пришел! – радостно заговорила она. – Настенька! А что мы плачем? Не в настроении?

С таким же успехом Галина Михайловна могла просто открывать рот – громко ревушая Настя не обращала никакого внимания на увещевания воспитательницы.

– Иди ко мне! – та решительно забрала у Кристины кричащего и брыкающегося ребенка.

– А мне что делать? – растерянно спросила она.

– Идите! – прошипела Галина Михайловна и кивком указала на дверь. И, видя, что она колеблется, добавила более громко: – Идите! Да идите же!

Кристина выскользнула за дверь и в изнеможении прижалась спиной к стене, показавшейся мертвенно холодной. Детский крик по-прежнему бился в ушах, в груди, грозя сломать ребра, колотилось сердце, от непривычной тяжести ломило руки. Собрав остатки сил, Кристина отлепилась от стены и двинулась вниз по лестнице, с каждым шагом увеличивая скорость. На улицу она выскочила уже бегом. Машинально кивнула охраннику, толкнула вертушку турникета и понеслась к машине. Только оказавшись в приятной прохладе салона, Кристина вдруг вспомнила о просьбе Елены Александровны.

Ее возвращение несколько не удивило охранника, а может, он и не запомнил ее – мало ли людей проходит мимо него за смену. Подойдя к двери кабинета Елены Александровны, Кристина вдруг неосознанно свернула в сторону лестницы. Сама не понимая зачем, она поднялась по лестнице и замерла от удивления. В коридоре было тихо. Нет, конечно же, из открытых на проветривание окон доносился привычный и оттого не замечаемый шум города, но из-за двери с двумя двойками не доносилось ни звука. Кристина приложила ухо – тишина, осторожно толкнула дверь и вошла в комнату со шкафчиками. Она старалась двигаться как можно тише, но обмануть бдительность Галины Михайловны ей не удалось.

– Вы еще здесь? – спросила та удивленно, появившись на пороге.

– Я... просто мне... – смешалась Кристина. – Как вам это удалось?

– Хотите посмотреть? – улыбнулась воспитательница и сделала приглашающий жест рукой.

Сбросив туфли, Кристина на цыпочках подошла к двери. Настю она увидела сразу. Сидя за столом, девочка сосредоточенно рассматривала лежащую перед ней детскую книгу с яркими картинками.

– Настя у нас очень любит книжки читать, – пояснила Галина Михайловна.

– Читать? – удивилась Кристина. – Она умеет?

– Сложно сказать. Может, и умеет, – пожала плечами воспитательница. – Дети порой умеют делать такое, что взрослым и не снилось.

Успокоившись, насколько это было возможно, Кристина отправилась к заведующей.

– Насколько я понимаю, сейчас вы будете заботиться о Насте, – сказала та и с доброжелательной улыбкой предложила сесть на один из стульев, выстроившихся рядом с ее столом.

– Временно, – неуверенно произнесла Кристина, присаживаясь и попутно разглядывая комнату. Даже если не знать, кому принадлежит кабинет, можно с уверенностью сказать, что его хозяйка имеет дело с маленькими детьми. Бежевые обои и стандартная офисная мебель могли бы показаться скучными, если бы не многочисленные мягкие игрушки, красочные детские книжки. Они, словно яркие всплески солнечного света, оживляли атмосферу, делали ее позитивной и настраивали на дружелюбный тон.

– Ну, временно так временно, – согласилась Елена Александровна. – В любом случае мне нужно записать ваши координаты – телефон, адрес.

Кристина представилась и протянула заведующей визитку.

– Детективно-консалтинговое агентство «Кайрос», – вслух прочитала она. – Вы – детектив?

– Нет, я скорее консалтер.

– Инте-ре-сно, – протянула Елена Александровна. – Первый раз слышу такое слово. И чем же, если не секрет, вы занимаетесь?

– Конечно, не секрет, – улыбнулась Кристина. – Я и мои коллеги изучаем бизнес клиента и предлагаем конкретные меры для изменения текущей ситуации.

– И как? Получается?

– Когда как, – она пожала плечами – после бессонной ночи вдаваться в подробности работы «Кайроса» просто не осталось сил. И все-таки не устояла, задала интересующий со вчерашнего вечера вопрос: – Вот, например, меня очень удивляет, почему мне вчера без разговоров отдали Настю. Мало ли кто может прийти за ребенком.

– У меня на этот счет есть письменное распоряжение от ее матери, – ответила заведующая тоном, начисто лишенным былой доброжелательности, и Кристина сделала вывод, что вопрос ей не понравился.

– Странно, – сказала она, – хотя, наверное, у нее имелись свои соображения на этот счет.

– Конечно, имелись. При ее-то образе жизни...

Последняя фраза поставила Кристину в тупик, и она вопросительно уставилась на заведующую. Та вопрос, что говорится, считала, но поняла его по-своему. Не вставая с кресла, она взяла из шкафа, расположенного за ее спиной, одну из папок, вынула оттуда лист бумаги в пластиковом файле и протянула недоверчивой посетительнице:

– Вот, смотрите, все чин по чину.

Документ действительно был оформлен самым что ни на есть надлежащим образом – разрешение отдавать Анастасию Дубровину подтверждено подписью и печатью нотариуса. Имя матери Насти – Александра Сергеевна Ефимова – ей абсолютным счетом ничего не говорило. Разве что напрашивался вопрос: почему у Ольги и Александры разные фамилии? Но это просто – Александра могла выйти замуж и взять фамилию супруга. Автоматически запомнив данные матери Насти, Кристина вернула заведующей документ.

– Я вам и без этой бумаги верю, – она старалась говорить как можно искреннее, так, как на ее месте, возможно, сказала бы Ася: уж очень хотелось разрушить незримый слой льда, которым оградила себя заведующая.

– Вы уж извините, – продолжала Кристина, – я сегодня всю ночь не спала. Настенька плакала, а у меня опыта общения с малышами совсем нет...

– Ничего, – судя по мягким ноткам в голосе Елены Александровны, на смену заморозкам пришла оттепель, – опыт – дело наживное. Нужно просто постараться найти общий язык с ребенком. Это не так уж сложно, было бы желание.

«Как же его найти – общий язык», – подумала Кристина.

– Настенька – чудесная девочка, – продолжала заведующая. – Умненькая, добрая, ласковая. Галина Михайловна делает все, что в ее силах, но, сами понимаете, кроме Насти, у нее еще двадцать детей. Вся надежда на помощь родителей, но в данном случае, как вы понимаете, рассчитывать на нее не приходится. А жаль.

– Почему не приходится? – задала вполне резонный вопрос Кристина.

– Вы разве не в курсе, кто ее мать?

– Ефимова Александра Сергеевна? – Кристина пожала плечами. – Не совсем. Знаю только, что она сестра моей институтской подруги.

– А слышали вы когда-нибудь о такой певице – Фима?

– Фима... – повторила Кристина. – Не уверена. Извините. Сейчас так много новых имен.

– Не извиняйтесь. Я и сама не слышала, пока Настя не появилась в нашем детском саду. Я и видела эту Фиму всего один раз – здесь, в кабинете. Потом, с доверенностью, пришла совсем другая девушка, Анечка. – («Аня-ня-ня», – вспомнилось Кристине). – Потом она исчезла, и девочку стали забирать и приводить какие-то люди. Конечно, мне это не нравилось, но, имея на руках подписанное матерью распоряжение, я не считала возможным вмешиваться.

– А скажите, пожалуйста, будь вы на моем месте, как бы вы искали общий язык?

– Я? Положилась бы на свою интуицию, старалась бы каждую свободную минуту проводить с ребенком. Но все это требует времени. А его, как мне кажется, у вас не так много.

Кристина бросила взгляд на часы – если с пробками повезет, еще вполне можно успеть на работу.

– Спасибо большое, – сказала она, вставая.

– Да мне-то за что? – заведующая развела руками. – Это вам спасибо.

Ползя со скоростью черепахи по проспекту Славы, Кристина вдруг поняла, что в утренней суматохе оставила дома сумку с ноутбуком. Ехать без него на работу равносильно появлению в офисе без головы. С трудом перестроившись в правый ряд, она понеслась домой, благо пробок в эту сторону не наблюдалось.

Забежав в квартиру, Кристина кинула беглый взгляд на свое отражение в зеркале и застыла, неприятно пораженная увиденным. Вид загнанный, белая с утра блузка выглядела так,

словно ее носили три дня не снимая. На темной юбке явно видны следы детских ног. И даже волосы, которые обычно после утренней укладки сохраняли форму до позднего вечера, сейчас торчали в разные стороны. Нет, в таком виде генеральный директор приходить на работу не имеет права. Ничего, принять душ, переодеться, расчесаться и добавить немного консилера под глаза – дело пяти, ну, десяти минут. Один раз можно и опоздать на работу. Тем более что с утра никто из клиентов приезжать не планировал. А даже если приедет, не беда – Тимур вполне справится.

На ходу стягивая через голову блузку, Кристина наступила на чайную ложку, оставленную Настей на полу рядом с баночкой из-под йогурта. Больно не было, но почему-то это стало той самой соломинкой, которая сломала спину верблюда. Она даже не дошла до любимого бабушкиного кресла – опустилась на пол рядом со злополучной ложкой и разрыдалась в голос.

Впрочем, продолжалось это недолго. То ли ответственность взяла верх над отчаянием, то ли сыграли роль остатки йогурта, обнаруженные в банке, но Кристина нашла-таки силы подняться и привести себя в порядок. Кинув взгляд в зеркало, она осталась почти довольна своим внешним видом.

Глава 5

Похоже, зеркало в компании с консилером смогли обмануть только Кристину. Сотрудники «Кайроса» в лице Тимура и Федора на эту удочку не поймались. Стоило генеральному директору пересечь порог родной фирмы, как лицо Тимура, которого, казалось, ничто не могло вывести из состояния абсолютного спокойствия, заметно вытянулось. Менее сдержанный Федор вообще вскочил с места и завопил:

– Кристина Сергеевна!

Но тут же осекся. То ли сам сообразил, что нарушает субординацию, то ли заметил предостерегающий взгляд Тимура. Скорее второе, потому что в каком-то особом пиетете к корпоративным правилам Лебедев замечен не был.

Тимур же, мгновенно приняв обычный индифферентный вид, поинтересовался, как всегда:

– Кофе?

– Кофе, – согласилась Кристина, ставя на стол сумку.

Федор тут же выдвинул ящик стола с неиссякаемым запасом разнообразных снеков и выудил оттуда пачку своего любимого лакомства – сухариков с холодцом и хреном. На вкус Кристины к кофе они абсолютно не подходили, но внимание коллег ее тронуло. Причем до слез – в самом прямом смысле слова. Слезы бежали по щекам, сводя на нет все усилия по приведению лица в порядок.

– Рассказывай! – Тимур поставил перед ней чашку, положил упаковку бумажных салфеток и сел на стул рядом с ее столом – излюбленное место майора Щедрого.

А что рассказывать? Она, Кристина, отличница, любительница сложных задач, оказалась не в состоянии справиться с трехлетним ребенком?

– Все нормально, – проговорила она и потянулась за ноутбуком, давая понять, что собирается заниматься работой и предлагает сотрудникам «Кайроса» отставить разговоры и последовать ее примеру. Как бы не так! Тимур и не думал возвращаться на рабочее место, а Федор, хоть и сидел за своим столом, стриг ушами, словно норовистый жеребец, не желая упустить ни одного слова из их разговора. В том, что этот разговор состоится, сомневаться не приходилось. Работа в банке помогла Тимуру приобрести навык первоклассного переговорщика, противостоять которому могли единицы. К сожалению, Кристина в их число не входила.

– Все нормально, – повторила она. – Просто девочка эта, Ольгина племянница... Не очень у меня получается с непривычки.

Она всхлипнула, решительно промокнула лицо салфеткой и уже более твердым голосом добавила:

– Но я обязательно справлюсь.

Молчанов одобрительно кивнул, а Федор громогласно заявил:

– Я считаю, это замечательный повод заняться расследованием Фигаро! Найдем его – Ольгу выпустят, и она будет сама следить за ребенком.

– Думаешь? – Она посмотрела на Тимура. – Что скажешь?

Тот неопределенно пожал плечами, мол, ты – начальник, тебе решать. Но весь его вид свидетельствовал о молчаливой поддержке идеи Федора.

– Ну что же... – Кристина задумалась. Трудно искать убийцу человека, о котором не знаешь практически ничего, даже фамилии. Впрочем, можно узнать у Щедрого. Наверняка у полиции эти данные есть.

Щедрый... Кристина достала из стола зеркало и придирчиво рассмотрела следы истерики на лице. М-да, печальное зрелище. Разумеется, о том, чтобы беседовать в таком виде с клиентами «Кайроса», не может быть и речи, особенно с относительно новыми. Но Щедрый – не

клиент, он друг. А друзья, как говорится, познаются в беде. Вот пусть и познается... Все-таки, взяв телефон, Кристина колебалась – быть или не быть? Звонить или не звонить... Неуверенно полистала список контактов, нашла нужную фамилию...

– Привет! А я – не поверишь – как раз о вас вспоминал, – тут же отозвался майор.

– Правда? – подыграла ему Кристина.

– Так точно. Налил себе кофе и тут же вспомнил...

Кофе на работе Щедрый пил растворимый, не самого низкого качества, но явно не выдерживающий сравнения с напитком, приготовленным Тимуром.

– Ну так забегай, если есть минутка, – пригласила Кристина, и Федор энергично закивал. – Только у меня к тебе маленькое дело.

– Да хоть большое, – сказал Щедрый, и Кристина почувствовала, что майор улыбается.

– У меня подругу задержали по подозрению в убийстве, Ольгу Котову. Можешь узнать подробности?

– Ого! Что за подруга такая? – Судя по тону, Щедрый уже не улыбался. Наверное, все-таки не стоило звонить.

– Мы вместе учились в институте...

– Хорошо, я посмотрю, что можно сделать, и перезвоню, – сухо отозвался майор и отключился.

«Занят», – подумала Кристина, кладя телефон на стол. Мысль эта прицепом потянула за собой сожаление. Нет, не стоило втягивать Щедрого в это дело! Сами бы как-нибудь разобрались, ведь у них есть имена и фамилии товарищей Фигаро по сцене. Перво-наперво нужно пообщаться с ними. Может, подскажут, у кого был зуб на руководителя.

Кристина извлекла из недр сумки программку злополучного спектакля. Вот они, голубчики. Моцарт – Андрей Хромов, Сальери – Антон Скворцов, Констанца Моцарт – Ольга Котова, скрипач – Наннерль Серова, Фигаро... Поиск в соцсетях Андрея Хромова и Антона Скворцова – дело абсолютно неперспективное. А вот Наннерль... Есть смысл покопаться.

Лебедев, словно сканировавший ее мысли, взвился с кресла и практически вырвал из рук начальницы листок с фамилиями.

– Я поковыряюсь? – спросил он с невинным видом.

– Поковырайся, – одобрила Кристина.

Отлично! К приходу из рейда Ивана и Аси Федор наверняка найдет адреса участников спектакля. Пусть не все, но, по крайней мере, один – это сто процентов. Что еще можно сделать? Кристина задумалась, включила компьютер. А что, если Фигаро – не имя убиенного режиссера, а название фирмы, на которую, собственно, и был оформлен грант? Конечно, должно быть какое-то предприятие, получившее деньги. Реально существующее, регулярно сдающее отчеты и имеющее счет в банке. Не наличкой же ему выдали деньги! Ведь судя по шампанскому, которое они пили в Вене, экономить Фигаро не приходилось.

Включив ноутбук, Кристина зашла на страничку Единого государственного реестра юридических лиц и ввела в поисковую строку название «Фигаро».

Невероятно, но факт: людей, решивших назвать свое предприятие именем ловкого пройдохи из Севильи, нашлось достаточно много. В списке имелись как просто «Фигаро», так и усложненные, типа «Фигаро Плюс», «Фигаро Люкс», «Такси “Фигаро”», «Фигаро тут» и прочие. В общей сложности сто семьдесят компаний. Отобрав те, у которых среди видов деятельности присутствовала театральная-концертная, Кристина сформировала список, включив в него данные о руководителях и собственниках предприятий. Покончив с этим делом, она вопросительно посмотрела на Федора. Судя по напряженному взгляду, которым он буравил монитор, поиски пока не увенчались успехом.

Что бы еще такое придумать? Кристина взглянула на Тимура, и в этот момент колокольчик над дверью залился приветственной трелью. Ей иногда казалось, что колокольчик – не

просто штукавина, предупреждающая о посетителях, а живое существо, наделенное разумом, практически член дружного коллектива «Кайроса», способный радоваться и грустить вместе со своими коллегами. Вот и сейчас он словно изо всех сил старался подбодрить упавшую духом начальницу.

– Смотрите, кого мы вам привели! – раздался довольный голос Рыбака.

В комнату бочком протиснулась Ася, а следом за ней майор Щедрый собственной персоной.

– Здравствуйте! – радостно поприветствовал он присутствующих, обменялся рукопожатиями с Тимуром и Федором, после чего удобно устроился на своем привычном месте возле Кристининого стола.

– Может, кофе? – подражая интонации Тимура, спросил Федор.

– Да нет, я на минутку! Хотя... давай. – Щедрый, сдаваясь, обреченно махнул рукой. – Знаешь же, что от вашего кофе я никогда не откажусь. – И, уже обращаясь к Кристине, добавил: – Я насчет Куцака.

– Кого? – От удивления она уронила пачку с сухариками, которые за секунду до этого собралась высыпать в блюдце – надо же чем-то угостить майора кроме кофе.

Щедрый что-то сказал, но взревевшая кофемашина помешала услышать его ответ. Дождавшись, когда в офисе воцарится относительная тишина, Кристина переспросила:

– Пацюка?

Федор, казалось, с головой ушедший в поиски координат актеров театра Фигаро, пробежался по клавиатуре и заявил:

– Это который у Гоголя вареники трескал.

– Ты о чем? – Щедрый озадаченно потер левый висок.

– Трескал! Со сметаной! Они ему сами в рот прыгали. Правда, Ася?

– Правда, – кивнула Ася. – Только не вареники, а галушки.

– Ну галушки, – согласился Федор.

– Стоп. – Щедрый хлопнул ладонью по столу, вроде легонько, тем не менее ручка подпрыгнула и покатилась. Майор поймал чересчур прыткий канцтовар и, возвращая его на место, смущенно пробормотал: – Извиняюсь. Гоголь с галушками – это у вас, у театралов. А у нас – Тимофей Иванович Куцак, делом которого ты интересовалась. Интересовалась же? Или я что-то перепутал?

– Подожди, – медленно осознавая сказанное, произнесла Кристина, – ты хочешь сказать, что Ольгу Котову задержали за убийство этого самого Куцака?

– Уже и не знаю, хочу или не хочу, – помотал головой Щедрый. – Обещали кофе угостить, а сами зубы заговаривают.

– Момент. – Тимур поставил на стол поднос с двумя чашками и сахарницей.

Федор тут же нырнул в заветный ящик, выудил пачку крекеров, подъехал в кресле к столу начальницы и добавил угощение к уже имевшимся сухарикам. Возвращаться на рабочее место он не спешил, предпочитая находиться поближе к источнику информации.

Щедрый сделал большой глоток кофе, закрыл глаза и простонал:

– М-м-м...

В этот момент он был так похож на Настю, поедающую йогурт, что Кристина не смогла удержаться от улыбки.

– Я не понял, это Фигаро, что ли, Куцак? – спросил Рыбак.

– Что ли... – подтвердил Федор с саркастической усмешкой.

– А мы, что ли, решили заниматься его убийством? – начисто игнорируя Лебедева, спросил Иван, придвигая кресло ближе к месту импровизированного совещания. – Почему мы с Асей не в курсе?

– Да мы, собственно... – начала Кристина и замялась. Получалось, что она оправдывается перед Рыбаком, а ей совершенно не хотелось.

Федор, пользуясь образовавшейся паузой, несколько раз кивнул:

– Что ли! Что ли! Разве не понятно?

Рыбак дернул щекой, что явно свидетельствовало о приближающейся буре, но тут в разговор вмешалась Ася:

– Отлично, а то мне как-то тревожно после вчерашнего Ольгиного звонка. Все-таки благодаря ей мы сходили на спектакль.

– Могли бы и не ходить. Не много бы потеряли, – проворчал Рыбак.

– А еще познакомились с Наной, послушали ее рассказ про Моцарта. Жалко, мало. Я бы с удовольствием еще с ней пообщалась, – мечтательно заявила Ася.

– Ну и замечательно, – улыбнулась Кристина. – Скоро тебе представится такая возможность – Федор как раз занимается поиском ее координат. Правда?

Кристина выразительно посмотрела на Федора, и он, по-прежнему не вставая с кресла, медленно попятился к своему рабочему месту. Щедрый попытался открыть пакет с крекерами. Получилось не очень удачно – фонтан печенок с шуршанием устремился наружу. Этим обстоятельством тут же воспользовался Лебедев, чтобы окончательно пришвартоваться к Кристиному столу.

– Чего их искать, координаты эти? – пояснил он свое не совсем корректное поведение, сгребая крекеры обратно в пакет. – Мое дело – озадачить компьютер, а он, как найдет что-нибудь, сразу сообщит. И еще я тоже хочу про Моцарта послушать. Можно я с Асей поеду к Нане?

– Еще чего! – снова бросился в атаку Рыбак.

– Послушайте, – аппетитно хрустя снеками, возмутился Щедрый. – Я, спрашивается, зачем сюда пришел? Слушать вашу перепалку?

– Да, – поддержала майора Кристина, – у Андрея и без нас дел выше крыши. Предлагаю дать ему слово. Нет возражений?

Если у кого-то из сотрудников «Кайроса» и имелись возражения, то они предпочли оставить их при себе.

Сделав основательный глоток кофе, Щедрый вынул из кармана несколько сложенных четверо листов и, разгладив их на столе, сказал:

– Итак, тело Тимофея Ивановича Куцака, одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года рождения, было обнаружено в Благодатном переулке, в воскресенье, шестнадцатого июля, в пять часов тринадцать минут, – тут Щедрый сверился со своими бумагами, – Мингбаевым Боходиром Акбарали угли.

– Дворник? – уточнил Рыбак.

Щедрый кивнул и продолжил:

– Причина смерти, – он снова заглянул в записи, – перелом затылочной кости с разрывом твердой мозговой оболочки.

– Это как? – наморщил лоб Лебедев.

– Приложили его чем-то по затылку, – перешел на человеческий язык майор.

– Так, может, это он сам упал? Ведь, ясен пень, бухали после спектакля. Шел – споткнулся – упал – закрытый перелом... – предположил Федор.

– Ага, – согласился Щедрый. – Два раза упал, а потом перевернулся на спину и еще раз ударил себя по лбу.

– Да? – Кристина пристально посмотрела на майора. Шутит? Нет, по всему видно, абсолютно серьезен.

– Кстати, в лоб – это похоже на контрольный выстрел, – высказал очередную гипотезу Лебедев.

– Да погоди ты, – досадливо поморщился Рыбак. – А что документы? Деньги? Имелись в наличии?

– Нет. – Щедрый забросил в рот пару крекеров и запил их остатками кофе. – Ни документов, ни денег.

– Как же тогда установили личность?

– Так по отпечаткам же, по отпечаткам.

– Подожди, – Рыбак удивленно посмотрел на Щедрого. – Как – по отпечаткам? То есть ты хочешь сказать...

– Хочу, еще как хочу. Отпечатки вашего Куцака имелись в базе МВД. И, предвосхищая вопросы наших девушек, – тут Щедрый по очереди кивнул Кристине и Асе, внимательно слушавшим его разговор с Рыбаком, – скажу, что ваш Куцак Тимофей Иванович законопослушным гражданином не был.

– Не был? – переспросила Ася. У нее в голове не укладывалось, что Фигаро – блистательный Фигаро, несущий в массы поэзию Пушкина и музыку Моцарта, – мог нарушить закон. Хотя... Разные же бывают обстоятельства. Может, он защищался? Гипертрофированно добрая Асина душа тут же начала генерировать различные причины, по которым Фигаро, то есть Тимофей Куцак, мог пойти на преступление.

– Сто пятьдесят девятая статья, – подтвердил Щедрый, а Рыбак пояснил:

– Мошенничество.

– Хорошо хоть не убийство, – выдохнула Ася.

– Ну не скажи, – покачала головой Кристина. – Если он облапошил бабушку-пенсионерку и выманил у нее деньги, припрятанные на похороны, это даже хуже, чем убийство.

– А кого он... облапошил? – спросила Ася у Щедрого. – Известно?

– Я пока такой информацией не обладаю, – сказал он и с грустью заглянул в пустую кружку. – Этим делом районный отдел занимается, а не мы. Горшков Михаил. Ты, Вань, должен его помнить.

– Мишка Горшок? Конечно, помню. Когда-то пересекались. Его тогда еще турнуть собирались из органов. Тупень был первостатейный.

– Он и сейчас такой, острее не стал. Вцепился, словно бультерьер, в единственную подозреваемую, готовит документы в суд.

– Кстати, хотел спросить: как они так быстро ее нашли? Убийство произошло в воскресенье, а в среду Ольгу уже задержали.

– Ни за что не поверите! – усмехнулся Щедрый. – Ольга ваша пришла сама. Принесла заявление о пропаже жениха. Уверен, она и раньше приходила, но вы же знаете – очень часто подобных заявителей отправляют подождать. Мол, жених загулял, встретил старого друга. Проспится и вернется. А уж если не явится, можно подключать к поискам тяжелую артиллерию в виде полиции.

– А на самом деле это не так? – спросила Кристина.

– Нет. Не так. Заявление обязаны принять незамедлительно, в тот самый момент, когда заявитель сочтет нужным его подать. Короче, взяли у нее бумагу, связались с бюро регистрации несчастных случаев, и готово – нашелся потеряшка. Пригласили барышню в морг на опознание, ну и дальше все как положено: слезы, обморок...

– Это понятно, – перебил Рыбак. – Ты лучше расскажи, почему решили, что убийство – дело рук Ольги.

– Так из-за этих рук и решили. Горшков сам на опознании присутствовал и, воспользовавшись стрессовым состоянием Ольги, допросил ее. На лице убитого, кроме раны на лбу, имелись царапины, напоминавшие следы женских ногтей, полученные, согласно экспертизе, за два-три часа до смерти. Горшков высказал предположение, что эти ногти принадлежат Ольге, а она отрицать не стала. На следующий день экспертиза подтвердила, что в подногтевом содер-

жимом Ольги действительно содержатся частицы эпителия Куцака. Кроме того, на платье, в котором Ольга была в день премьеры, обнаружены пятна крови убитого. Объяснить их происхождение она затрудняется, но следователь уверен, что кровь попала на одежду переносом с орудия убийства. Как говорится, круг замкнулся. Алиби на момент преступления у Котовой нет. Говорит, что поссорилась с убитым в ресторане, где они с друзьями отмечали премьеру. Поссорилась конкретно – до рукоприкладства. Куцак, схлопотав по лицу, выбежал на улицу, очевидно желая освежиться. Котова бросилась следом, но он как сквозь землю провалился. Камеры в ресторане, кстати, подтверждают ее слова. Возвращаться в зал Котовой было стыдно, и она, с ее слов, брела по улице, не разбирая дороги, периодически делая остановки в каких-то значных заведениях, пока не оказалась во дворе собственного дома.

Весь следующий день – воскресенье – она проспала, благо был выходной, а в понедельник Куцак на репетицию не явился. Его телефон был вне зоны доступа, в квартире, которую он снимал, дверь никто не открывал. Пока это вся информация, которую мне удалось узнать.

– Как-то это все странно, – покачала головой Кристина. – Ну поссорились, подрались... С кем не бывает? Почему из этого следует, что убийца именно Ольга? Не вижу я никакого замкнутого круга. Все это притянуто за уши.

– Как я понял, вы собрались искать убийцу Куцака? – спросил Щедрый.

– Собрались, – кивнула Кристина.

– Поосторожнее только. Горшков – уж очень сволочной мужик, не потерпит рядом добровольных помощников. Тем более если вы начнете раскачивать лодку практически раскрытого дела. Мой тебе совет: хочешь помочь подруге – найми нормального адвоката. Думаю, у Тимура есть знакомые. Есть же? – майор повернулся, и тот кивнул:

– Есть.

– Ну и славно. Вы ищите себе аргументы в пользу невиновности Котовой, а со следствием пусть имеет дело адвокат. Лучше уж гнев Горшкова обрушится на его голову. Как вам такой вариант?

– Я пока не готова сказать, надо подумать, – поспешила уклониться от прямого ответа Кристина.

– Само собой, думай, конечно. А я, с вашего разрешения, побежал. Если что – звоните. У меня всегда для вас найдется пара минут свободного времени.

– Ну и что мы будем делать? – вывел ее из задумчивости голос Рыбака.

– Что? – переспросила Кристина и поняла: она погрузилась в раздумья так глубоко, что не слышала звон колокольчика, проводившего Щедрого.

Хороший вопрос, особенно когда ответа на него нет, а все мысли, кажется, посвящены тому же самому вопросу, только касающемуся совершенно другого объекта. Не Фигаро, точнее Куцака, убитого в Благодатном переулке, а маленькой девочки, с которой ей, Кристине, непременно надо суметь договориться.

Нужно было ответить Рыбаку, но, как назло, ни одна дельная мысль не приходила в голову.

– А ты бы с чего начал? – спросила она, понимая, что этот вопрос дискредитирует ее как начальника. Ведь она должна сейчас генерировать идеи.

Но Рыбак, похоже, воспринял это как само собой разумеющееся.

– Варианта два. Первый – как обычно, отправиться на место происшествия. Осмотреться, опросить жителей близлежащих домов... Понятно, что полиция все это уже проделала. Во всяком случае, я так думаю. Хотя, если учесть уголовное прошлое жертвы, вряд ли представители закона особо старались. Дефицит кадров в полиции никто не отменял, поэтому могли для галочки побеседовать с парой-тройкой человек, да на этом и успокоиться. Короче, я примерно представляю этот район, думаю, получится что-нибудь нарыть.

Есть еще второй вариант – установление алиби Котовой. Если она действительно после ссоры с Фигаро выскочила следом за ним, шла, не разбирая дороги и устраивая по пути передышки в ночных барах, пока не дошла до дома, то можно попытаться отработать ее маршрут и найти свидетелей. Этот вариант, конечно, более продуктивный, но и трудоемкий. К тому же требует предварительной подготовки, а именно...

– Я понял! – заявил Лебедев. – Можно попытаться отследить маршрут Ольги по биллингу ее телефона. У Кристины Сергеевны есть номер.

– И это тоже, – подтвердил Рыбак. – Вообще-то я имел в виду немного другое. У нас есть начальная и конечная точка ее маршрута. Если попытаться воссоздать траекторию движения и поискать те самые забегаловки, где она восстанавливала силы, то, если повезет, можно будет доказать, что в момент убийства она была в другом месте. Но для этого нужна фотография Котовой. А кто-то, вместо того чтобы заниматься ее поисками по соцсетям, точит ляды.

– Ничего я не точу, – вспыхнул Федор.

И Кристина поспешила вмешаться.

– Значит, так и поступим, – сказала она. – Иван едет на место происшествия...

– С Асей, – добавил Рыбак.

– С Асей, – подтвердила Кристина и, заметив, как у подруги при этих словах сделалось удивленное лицо, спросила: – У тебя какое-то другое предложение?

– Ну... вообще-то... – замялась Ася, – я думала, мы с тобой поговорим... Отдельно...

– Обязательно поговорим, только завтра. Хорошо?

Та неуверенно кивнула.

– Ну тогда мы погнались, да? – Рыбак встал. – Там территория довольно большая, за полдня можем не успеть обойти.

– Давайте я с вами поеду! – прервал привычное молчание Тимур.

– С нами? – Рыбак мгновенно взвесил все «за» и «против» компании Молчанова и предпочел согласиться. – Поехали.

– А я? – возмутился Лебедев. – Я тоже хочу расследовать Фигаро.

– Федор, останься, пожалуйста, – стараясь говорить как можно мягче, попросила Кристина.

– Но почему? – не унимался Федор.

– Мне нужно будет сегодня уйти пораньше, – все тем же мягким тоном произнесла она и тут же почувствовала на себе вопросительный взгляд Аси, – нужно, чтобы кто-то остался в офисе. Тем более тебе есть чем заняться. Твою работу никто выполнить не сможет, ты же знаешь.

– Знаю, – недовольно проворчал Федор. – Всегда так... Когда уже я куда-нибудь поеду?

– Вот найдешь адрес Наны, и мы с тобой поедem к ней, – сказала Ася. – Устраивает такой вариант?

Довольная улыбка на лице программиста свидетельствовала о крайне положительной реакции на Асины слова. В то же время Рыбаку ее предложение явно пришлось не по вкусу.

«Еще чего», – без слов говорило его нахмуренное лицо.

– Я отвезу, – бросил он и направился к выходу, не вдаваясь в объяснения по поводу того, кого и куда он отвезет: то ли Асю с Тимуром в Благодатный переулок, то ли ее же с Лебедевым к Наннерль Серовой.

– А что с адвокатом? – напомнила Кристина Молчанову.

– По дороге решу.

После отъезда Рыбака, Молчанова и Аси Кристина попыталась сосредоточиться на работе. Она снова зашла в Реестр юридических лиц и вбила в поисковую строку фамилию Куцак, Тимофей Иванович. Поиск результатов не дал – ни руководителем, ни собственником предприятия Куцак не являлся. Не был он также зарегистрирован ни в качестве индивидуаль-

ного предпринимателя, ни как самозанятое лицо. И как в таком случае он мог получить грант на постановку?

«Гугл», которому Кристина предложила поискать информацию по фамилии, имени и отчеству, оказался как никогда скучным. Несколько однофамильцев, определенно не имевших ничего общего с Фигаро, да ничего не дающая информация о фамилии Куцак: произошла она от прозвища Куц, которое, в свою очередь, образовано от прилагательного «куцый», в смысле низкорослый. Похоже, гены предков продолжают жить в потомках – высоким Фигаро никак не назовешь.

Кристина задумалась, чем бы еще может оказаться полезен «Гугл», и вдруг, совершенно не последовательно, ввела в поисковую строку имя «Фима». Результатов получилось довольно много, и, чтобы сузить поиск, она добавила: певица. Ноутбук выдал целую кучу фотографий. На одних Фима выглядела совсем девочкой, милой и неискушенной, на других – прожженной стервой лет сорока. Наряды везде яркие, броские, но не скатывающиеся в вульгарность. Интернет предлагал целую россыпь клипов певицы. Кристина ткнула наугад в первый попавшийся – премьеру песни «Павшая роза». Песня как песня, в полном соответствии с классикой жанра: избитые рифмы розы-слезы-угрозы-морозы, избитые аккорды, жесткий ритм, жиденький голосок. Хотя последнее – это чисто на ее вкус. Может, кому-то подобные вполне себе по душе. Лебедев в их круг-то явно не входил. Поначалу, с головой погруженный в работу, он, казалось, ушел в астрал, полностью потеряв связь с реальностью. Но в какой-то момент происходящее в офисе заставило его вернуться и, по обыкновению, превратиться в сплошное ухо, которому «Павшая роза» явно не доставила эстетического наслаждения.

– Что-то у нас градус идет на понижение, – пробурчал он вроде бы про себя, но Кристина услышала.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она, выключая динамики.

– От Венской оперы до подобного примитива... – Тут до Федора, вероятно, дошло, что он сморозил не то. – Извините, Кристина Сергеевна, – ринулся он на попятный. – На вкус и цвет все фломастеры разные...

– Да мне, если честно, тоже не очень нравится, – призналась она, всматриваясь в экран ноутбука, где беззвучно раскрывала рот Фима, в тщетных поисках сходства между певицей и маленьким человечком, доставившим ей столько тревог вчерашним вечером.

– То есть это по делу? – последняя мысль настолько горячо заинтересовала Федора, что он даже оттолкнулся от своего стола, собираясь подъехать поближе к начальству. – Думаете, она и Фигаро...

Разговор грозил затянуться, Кристина, взглянув на часы, захлопнула ноутбук и, на ходу укладывая его в сумку, сказала:

– Завтра, Федор, все вопросы завтра. А сейчас, извини, мне нужно уйти. Ты же не против? Федор молча потряс головой.

Конечно, можно было еще немного задержаться, но по пути в детский сад Кристина планировала заехать в магазин и купить что-нибудь из одежды для своей подопечной.

Она терпеть не могла, когда, стоило переступить порог, к ней тут же устремлялся продавец с предложением помочь. Заядлым шопоголиком гендиректор «Кайроса» не была, по бутикам ходила крайне редко и всегда терялась под натиском хорошо обученного персонала, получавшего процент с продаж. Результатом этой растерянности становилось приобретение того, к чему душа абсолютно не лежала. Да, красивое, стильное, современное, модное, но после единственного выхода занимавшее место в шкафу в качестве абсолютной недвижимости. Ну почему бы не дать покупательнице сначала осмотреться, понять, зачем она, собственно, оказалась в этом магазине, а потом уже предлагать (заметьте – предлагать, а не навязывать) свои услуги?

Но оказавшись в огромном торговом зале, заставленном рядами стеллажей, Кристина вдруг ощутила себя ребенком, затерявшимся в дремучем лесу. Сейчас она и рада была бы

помощи со стороны сотрудников магазина, но предлагать ее никто не торопился. Побродив бесцельно между стойками с детской одеждой, Кристина не выдержала и обратилась к единственному работнику «Детского мира», попавшему в ее поле зрения, – кассиру, совсем молоденькой девушке с ярко-голубыми глазами на усыпанном рыжими конопушками лице. Та, нисколько не удивившись, гаркнула неожиданным для такого милого создания басом:

– Катя! Лариса! Выйдите кто-нибудь в зал! Срочно!

Тут же в проеме двери, находящейся рядом с кассой, материализовалась полненькая женщина лет сорока, судя по немного перекосившемуся бейджику, Лариса. Глаза ее приветливо улыбались, а челюсть поспешно дожевывала остатки полдника. Громко сглотнув, она улыбнулась Кристине:

– Здравствуйте! Я могу вам помочь?

«О да!» – мысленно возрадовалась она, а вслух сказала:

– Мне нужно какую-нибудь одежду для девочки трех лет.

– Какой рост? – уточнила Лариса.

– Где-то вот такой, – Кристина неуверенно подняла ладонь над уровнем пола, показывая рост Насти.

– Отлично! – Лариса, энергично кивнув, решительно направилась в одежные ряды.

Дело свое она знала отлично – платья, юбки, летние комбинезоны, кофточки, панамки, носки, гольфы, получив одобрение Кристины, отправлялись в тележку. Туда же легли розовый горшок и упаковка абсолютно «волшебных» наклеек к нему для облегчения отучения ребенка от памперсов, несколько красочных книжек, водные раскраски с толстыми листами на разноцветных пружинках и кисточки к ним – просто незаменимая вещь, так отозвалась о них Лариса, разноцветные зверюшки, толстый пупс, а еще большая упаковка конструктора «Лего» – замок Белль и Чудовища, героев диснеевского мультфильма. Хотя, судя по надписи на упаковке, конструктор предназначался для детей более старшего возраста, Кристина ни за что не согласилась бы вернуть его на полку.

Перегружая в багажник пакеты с покупками из доверху забитой тележки, Кристина не могла сдержать улыбку. Похоже, несмотря на нелюбовь к шопингу, дозу эндорфина от этого мероприятия она все-таки получила.

Хотя сегодня в детский сад она приехала раньше, чем вчера, Настя по-прежнему оставалась на площадке в одиночестве, если, конечно, не считать Галины Михайловны, все так же увлеченно изучающей что-то в своем смартфоне.

– Я не опоздала? – Кристина растерянно посмотрела на часы.

– Нет, – это прозвучало практически как «да».

– А в котором часу обычно забирают остальных детей?

Воспитательница пожала плечами.

– Лето сейчас. Родители стараются своих детей максимально оздоровить. На природу отвезти, к морю...

Говорила она абсолютно ровно, чем-то отдаленно напоминая Молчанова, но слова «своих» и «максимально» прозвучали как упрек чужой тетке, которая мало того, что не везет порученного ее заботам ребенка к морю, так еще и забирает, когда остальные сотрудники детского сада уже давно дома. Кроме Елены Александровны, разумеется. Но той, как капитану, должностные обязанности предписывают покидать судно последней.

– Понятно, – виноватым тоном произнесла Кристина. – Просто я работаю, но постараюсь что-нибудь придумать.

«Постарайтесь!» – прочитала она в глазах воспитательницы, но произнесла та совсем другие слова:

– Аня, няня Настенькина, приходила за ней сразу после полдника.

«Аня-няня!» – прозвучал в голове горестный вопль девочки.

– Вы случайно не знаете, куда делась эта Аня?
– У нее, кажется, какие-то личные проблемы... Я не в курсе. Мать, конечно, знает, но вряд ли она захочет поделиться.

До дома они добрались без происшествий. С трудом дотащив до лифта многочисленные пакеты с покупками, Кристина совсем выбилась из сил. Хорошо еще Настя не капризничала – сосредоточенно топала рядом, крепко вцепившись в юбку ее делового костюма.

Пока Кристина мыла руки и переодевалась, ребенок, руководствуясь внутренним чутьем, обнаружил среди горы пакетов горшок и воспользовался им по назначению, не забыв предварительно стянуть трусики-памперс.

И не надо никаких картинок – констатировала Кристина, радуясь, что проблема приучения ребенка к горшку кем-то успешно решена. Галиной Михайловной? Аней-няней? Скорее второй. А что, если попытаться найти эту самую Аню? Может, ее семейные проблемы уже каким-то образом разрешились и она не откажется помочь?

Кристина вспомнила, как утром давала заведующей визитку. Наверняка адрес предыдущей няни у нее тоже имеется. Как же иначе? Решено, завтра утром нужно будет заглянуть к ней в кабинет. Хотя, может, Ольгу выпустят завтра и проблема сама собой разрешится. А пока... Положив рядом телефон, чтобы не пропустить звонок сотрудников «Кайроса» – в том, что кто-то из них вот-вот выйдет на связь, она не сомневалась, – Кристина извлекла на свет божий коробку с замком Белль и Чудовища.

Первым позвонил Тимур.

– Можешь говорить? – поинтересовался он и после утвердительного ответа сообщил, что с адвокатом он связался и завтра с утра тот займется делом Ольги Котовой.

Казалось бы, отличная новость, повод для радости. Однако радоваться не получалось. Нет, конечно же, это здорово, если Ольгу завтра выпустят из следственного изолятора. Она будет заботиться о племяннице, а генеральный директор сможет спокойно заниматься своим любимым делом. Впервые мысль о работе не вдохновляла, и, тяжело вздохнув, Кристина усадила Белль на лошадь:

– Смотри, Настя, лошадка!

Где-то через полчаса позвонил Рыбак:

– Это не Благодатный переулок, а какая-то улица слепоглухих. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Пустая трата времени, хотя у Михалыча есть кое-какие мысли. Если у него что-то сростется, завтра доложу. Лебедев нашел фотки и координаты всех участников спектакля. Я сейчас Асю закину домой... – тут Кристина услышала возмущенный голос Аси, явно не желающей быть закинутой домой, – да тише ты! Короче, Асю закину, а сам пробегусь с фотографией Котовой по значным местам, может, удастся обнаружить ее следы. Утром поставим галочку в графике рейдов «Тайного покупателя» и сразу в офис. Ты к которому часу придешь?

Уверив коллегу, что к началу рабочего дня она будет как штык, Кристина уже собралась завершить разговор, но Рыбак сообщил, что Ася тоже хочет что-то сказать.

– Кристина, – взволнованным голосом начала та, – как ты?

– Все в порядке, вполне справляюсь.

– Может, я приеду? Помогу чем-нибудь? Может, надо что-то купить?

– Спасибо, ничего не надо.

Ася грустно засопела, и Кристина поняла, что подруга собирается заплакать. Конечно, подругу жалко, но Настя тоже может зареветь, причем в любой момент, и с ее слезами справиться будет куда сложнее, чем с Асиными. Асе, чуть что, поможет Рыбак, а ей, Кристине, помогать некому. Одна надежда, что завтра вернется Ольга и освободит Кристину от материнства, внезапно свалившегося на ее абсолютно не подготовленные к такой ноше плечи.

Замок был уже почти достроен, когда позвонил Лебедев.

– Кристина Сергеевна! Нашел я всех наших фигурантов. И Моцарта, и Сальери, и Нану, и Ольгу. Фотографии, телефоны, пароли, явки.

– Молодец! Я нисколько в тебе не сомневалась, – похвалила программиста Кристина, хотя Рыбак уже рассказал ей о находках Лебедева и было не совсем понятно, зачем тот звонит.

– Я все передал Ивану Станиславовичу, – продолжал дублировать уже известную информацию Федор.

В этот момент в голове у Кристины промелькнула какая-то мысль, однако так быстро, что поймать ее не получилось.

– А про Фигаро нашел что-нибудь? – спросила она.

– Про него я пока не искал. А надо?

– Давай завтра. Поздно уже. Иди домой, отдохни. Завтра со свежими силами...

– Кристина Сергеевна, мне кажется, Иван Станиславович, – тут Лебедев замялся и засопел, почти как Ася.

– Что – Иван Станиславович?

– Ася почему-то очень расстроенная. Может, он ее обидел?

Наконец-то Кристина поняла истинную причину звонка Лебедева. Вовсе не для того, чтобы похвастаться своими успехами, беспокоил он гендиректора «Кайроса» в столь неурочный час. Скорее всего, он стал свидетелем огорчения Аси, вызванного разговором с Кристиной, но трактовал ее слезы по-своему, выбрав козлом отпущения Рыбака.

– Я разберусь, – пообещала Кристина, – обязательно.

В этот момент легкая Настина рука потянулась к конической башне на крыше замка, увенчанной узким, раздвоенным на конце вымпелом. Строителем Кристина была неопытным, поэтому легкая конструкция обвалилась на голову Белль и коня. Настины глаза испуганно распахнулись, рот приоткрылся. Пару мгновений длилась немая сцена, и Кристина еще надеялась, что все поправимо, а затем тишину нарушил оглушительный рев. Сбросив звонок Федора, Кристина попыталась восстановить обвалившуюся конструкцию, но от волнения ничего не вышло. Мало того – обрушилась вторая башня, а у Чудовища (он же прекрасный Принц) отвалилась голова, и он лежал безголовый и безучастный к горю ребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.